

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ТУРЕЦКОГО

ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ

Взлетная
полоса

Фридрих Евсеевич Незнанский
Фридрих Незнанский в «ОЛИМП»
Взлетная полоса
Серия «Возвращение Турецкого»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169301

Взлетная полоса: Олимп: АСТ; М.; 2008

ISBN 978-5-17-042535-8, 978-5-7390-2029-1

Аннотация

Погиб знаменитый рекламист Кирилл Легейдо: спортивный самолет, которым он управлял, рухнул сразу после взлета. Что это: убийство или несчастный случай? И куда пропал инструктор, который должен был сопровождать начинающего летчика? Чтобы разгадать эту загадку, Александру Турецкому и другим сотрудникам агентства «Глория» придется проникнуть в рекламный мир, побывать на аэродроме и в экологической милиции... А также разобраться в хитросплетениях личной жизни покойного.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	12
Глава вторая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Фридрих Незнанский

Взлетная полоса

Пролог

Человек тоскует по небу. Он пытается удержать небо в руках. Он пришивает небо к земле стремительными стежками рукотворных механизмов, которые хотя бы отчасти способны возместить ему отсутствие врожденной способности парить в вышине. Глоток близкого неба кажется ему глотком свободы, запретно-сладкой для существа, обреченного постоянно передвигаться на двух неуклюжих подпорках, вместо того чтобы пользоваться стремительным размахом вольных крыльев. Не потому ли так страдают летчики, вынужденные по возрасту или состоянию здоровья оставить профессию?

Не потому ли так манят аэродромы – эти странные места, где небо вплотную притянута к земле?..

По территории аэродрома в сторону здания диспетчерской, состоящего из отблескивающего на солнце стекла и серого кирпича, неторопливо продвигались двое, по пути дружески беседуя. Внешне они если и не являли собой полную противоположность, то, во всяком случае, демонстрировали явное несходство. Один был худ, подтянут, сед; несмотр-

ря на возраст, держался со строгой, почти военной выправкой. Второй, лет пятидесяти пяти, походил скорее не на военного, а на спортсмена, давно оставившего, но не забывшего любимое занятие: крепкий, коренастый, мускулистый, с особенными, точными и ухватистыми, движениями. Коренастый был одет в куртку с символикой аэроклуба, и на лацкане у него красовалась надпись: «Руководитель полетов». Что касается первого, его худощавую фигуру облегал обычный серый легкий плащ вместо форменного мундира, на который заместитель генерального прокурора Константин Дмитриевич Меркулов имел полное право.

– Володь, вот рассказываешь ты, – сокрушенно качал головой Меркулов, – а я думаю: что за судьба у тебя такая? Постоянно тебе всякие чиновные подонки попадают...

– Костя, один случай раз в двадцать лет – еще не судьба, а небольшое отклонение от курса. – Улыбка у мускулистого Володи была тоже как у бывшего спортсмена: звездная, ослепительно-белозубая, предназначенная притягивать объективы кинокамер – хотя от возраста, надо полагать, слегка приугасшая. – И вообще, тогда это был не чиновник, а диспетчер. Коллега, маму твою за ногу... Авиатор...

– А я тогда, в восемьдесят седьмом, помню, получил материалы дела и сразу подумал: порядочный диспетчер и негодай-летчик... – Костя Меркулов покачал седовласой почтенной головой, сокрушаясь о той давней опрометчивости. – В общем, сделал поспешные выводы. Молодой был и глупый.

Хорошо, потом мозгов хватило разобраться...

– Не! – мотнул головой Володя. – Я на тебя тогда посмотрел и сразу понял: этот парень из прокуратуры докопается до правды, не даст меня засудить...

Как бы в поисках того, что можно было бы ответить на это лестное утверждение, Костя Меркулов взглянул в небо – и оно накрыло его своей близкой, как всегда на аэродромах, голубизной. Безбрежной и спокойной. А ведь, если задуматься, спокойствие-то мнимое: за тонкой голубой ширмой скрываются атмосферные разряды, тревожные перемещения воздушных масс, скрежещущая космическая чернота, пронизанная метеоритными потоками. А мы тут на земле стоим и восторгаемся: ах, какое небо! На самом деле неба, каким оно нам представляется, просто нет. И никогда не было – даже в древние века, когда люди верили, что над ними простирается твердый непробиваемый купол, выкрашенный богами в чистейшую лазурь... Созвучие слов «небо» и «не было», в котором крылась какая-то горькая истина, сразило Костю настолько, что он на секунду замер с разинутым для продолжения диалога ртом.

– Костя, что такое? – заботливо спросил руководитель полетов. – С сердцем плохо? Валидольчику дать?

– Нет, спасибо, я здоров. Так...

Возможно, Меркулов и поделился бы со старым знакомым своими мыслями по поводу мнимого спокойствия небес, но диалог был прерван посторонним вторжением. Навстречу им

в сторону летного поля упругой походкой людей, готовых к встрече со всеми неожиданностями, шли двое мужчин лет сорока. Оба небольшого роста, полноватые, в комбинезонах; один из них нес под мышкой летный шлем, обнажив голову с первой сединой в коротких, жестких, курчавых волосах. Завидев Володю, приветственно замахали руками. Особенно старался поприветствовать руководителя полетов тот, кто был без шлема – и улыбка его была неподдельно-искренней, как у ребенка, увидевшего мороженое. Его напарник, на куртке которого выделялась табличка «инструктор», рукой помахал сдержанно, улыбнулся вымученно и кисло, прежде чем впасть в прежнюю задумчивость.

– Привет, ребятки! – радушно обратился к этой паре Володя. – Ну что, Кирилл, самостоятельно вылетаешь? Готов?

– Да я давно готов! – доложил тот, кого называли Кириллом, и радостная детская улыбка его стала еще шире. – Это Сережа все страховался...

– Хватит, пойдем, – поторопил Кирилла его желчный напарник, то ли кем-то или чем-то с утра обиженный, то ли в принципе недовольный существованием этого мира.

И они ушли к видневшемуся вдаль на летном поле самолету, в то время как Меркулов и руководитель полетов продолжили путь к диспетчерской.

– Кирилл – хороший парень, будет летать, – прокомментировал Володя, очевидно чувствовавший необходимость сказать хоть несколько слов по поводу встреченных. – И ин-

структор, Сережка Воронин, у меня лучший. Они даже чем-то похожи: полноваты, но в тонусе! Скажи, а?

– Переживаешь за них? – догадался Меркулов.

– Как не переживать! Я ведь не для одного себя, для них стараюсь. Ради всех наших помощи прошу. Скажи ты мне на милость, что за напасть такая – экологическая милиция?

– Экологическая милиция? Ну как тебе, Володя, объяснить... Она хоть и эмвэдэшная структура, но как бы сама по себе. Есть там порядочные ребята, а есть – такие уроды...

– Вот-вот! – подхватил больную тему Володя. – Я говорю – предъявите мне результаты замеров уровня шума! Во всех населенных пунктах нормы по шуму не превышены. Я-то знаю...

– Да нет у них никаких замеров. Взятку вымогают...

– Нет, Кость, тут дело серьезнее. – Руководитель полетов широким жестом словно обнял все пространство вокруг. – Ты посмотри, сколько земли! Вот они на что глаз положили...

– Ты считаешь?

– Уверен.

– Очень может быть. Запрет на полеты, лицензию отберут, землю по дешевке скупят – и будет здесь коттеджный поселок...

За разговором они незаметно добрались до диспетчерской. Отворив плотно прикрытую, обитую коричневым дерматином дверь, Володя пригласил Меркулова пройти к пуль-

ту, за которым диспетчер вел переговоры с пилотами. Косте мельком припомнилась недавняя передача по телевизору – о российском пассажирском лайнере, потерпевшем крушение по вине швейцарского диспетчера. Погибло много детей... «Да что с тобой сегодня, Костя? Отличный день, отличное ясное небо, на аэродроме все в порядке, а тебе какие-то смурные мысли лезут в голову!»

– Ноль один два полсотни девять к взлету готов! – пробубнил голос из рации, и диспетчер деловито отозвался:

– Два полсотни девять, взлет разрешаю!

– Что же тогда получается? – Володя не оставлял темы, которая мучила его в последнее время. – Это, значит, все – под бульдозер? Это же аэродром! Костя, понимаешь – а-э-ро-дром! – В запале Володя воздел к потолку руки, и этот жест получился у него не смешным, а патетическим. – Мы его пять лет строили, тут чертова уйма людей летает, здесь наша сборная на первенство Европы готовится – и все это коту под хвост?

– Найду я на этого энтузиаста-эколога управу, не волнуйся, – попытался успокоить его Меркулов. Из попытки не вышло ничего хорошего: Володя, впадая от расстройства в буйное возбуждение, подвел, почти подтолкнул Костю к диспетчеру и указал на пульт:

– Я ведь столько сил сюда положил... Вот! Смотри, какое оборудование закупил, не во всех портах такое есть...

Меркулов добросовестно уставился на пульт, не зная, что

же, собственно говоря, он – неспециалист – должен увидеть. А вот специалист-диспетчер, очевидно, увидел нечто, не вписывающееся в нормальную картину полета... Потому что в его голосе зазвучало напряжение:

– Два полсотни девять! Сообщите место! Два полсотни девять, ответьте вышке!

Меркулов и Володя, которые направились было в соседнюю комнату, застыли на пороге.

– Два полсотни девять! – Диспетчер уже кричал в микрофон. – Два полсотни девять!! Ответьте вышке!

К голосу диспетчера присоединился, нарастая и стремительно заглушая его, истошный рев двигателя. Костя и Володя, не сговариваясь, рванулись к окну. У Меркулова похолодело в груди, когда он увидел, как маленький спортивный самолет, крутясь в воздухе, падает с высоты вертикально вниз. Миниатюрный, ярко раскрашенный, отсюда он казался детской игрушкой. Но Костя знал, что это не игрушка, что там – люди... Володя разъяренной пантерой бросился к пульта, вырвал микрофон у диспетчера.

– Убери газ! – рявкнул в микрофон. – Штурвал нейтрально!

– Он не отвечает, – простонал диспетчер. Глаза у него сделались жалобными, капли пота ползли по бледным, изрытым порами вискам.

– Кирилл, убери газ! Давай! Штурвал нейтрально!

Володя продолжал кричать и тогда, когда – Меркулов весь

превратился в зрение, словно у него отказали другие чувства, – самолет, крутясь, упал носом в землю за летным полем. Ослепительный взрыв. Грохот. Черный дым, смешанный с огнем.

«Они ушли в небо, – мысленно произнес Костя ту фразу, которая совсем недавно наклеывалась, словно предчувствие, и лишь теперь обрела завершение и смысл. – Они ушли в небо – и как будто их и не было...»

Они – это люди, которых Меркулов несколько минут назад видел живыми и здоровыми. Одного звали Сергей, другого – Кирилл.

Если точнее, одного звали Сергей Воронин, и он был, как упоминалось, инструктором. А вот второй – тот, что держался так просто и даже слегка по-ученически, – был широко известной в узких кругах личностью и возглавлял рекламное агентство «Гаррисон Райт»...

Глава первая

Карлсон и его веселые друзья

За дверью со скромной табличкой «Креативный отдел» открывалось помещение, совсем не похожее на офисное, – и сотрудники рекламного агентства «Гаррисон Райт» обычно наслаждались удивлением, которое отражалось на лицах посетителей, входивших сюда впервые. По правде говоря, было чему удивляться! Зрение клиента сразу же поражал хор красок, которыми были расписаны стены, – хор отчаянно громкий, но, как ни странно, гармоничный, в котором бешеные сочетания красного, зеленого, черного и желтого не резали, а ласкали глаз. Следующее, что обращало на себя внимание, было закрепленным на одной из стен, под самым потолком, стулом, а возле него надпись шрифтом, вызывающим в памяти «Окна РОСТа» и эпоху романов Ильфа и Петрова: «Садитесь, пожалуйста». И лишь короткое время спустя ошарашенный посетитель замечал, что вокруг него стоят огромные удобные диваны и кресла, а также журнальные столики с пепельницами – и стоят они нормальным образом, как и полагается, на полу. Имелись и стол с компьютером, и проекционный экран, и белая маркерная доска. Помещение выглядело как обитель безумцев, однако безумцев, любящих и умеющих работать. Иначе «Гаррисон Райт» не входило бы в

число самых респектабельных и преуспевающих российских рекламных агентств. Ведь чтобы преуспевать, требуется точный расчет плюс свободная творческая сумасшедшинка. До сих пор возглавлявшему агентство Кириллу Легейдо удавалось сочетать эти трудносводимые компоненты.

Ну точный расчет с первого взгляда не разглядишь. А вот что касается сумасшествия, креативный отдел в данную минуту напоминал палату номер шесть или, скорее, отвязную тусовку обдолбавшегося молодняка. Отсюда доносился многоголосый хохот, следовавший тотчас за фразой:

– ...и – баба-а-ах! И такой БЭМС! И слоган! Ну как?

Изрекший эти гениальные слова долговязый парень лет двадцати пяти посреди волн всеобщего смеха стоял, скромно и сдержанно улыбаясь, с видом победителя. Так же скромно и сдержанно улыбался череп с сигаретой в зубах, украшавший его черную рубашку. Под черепом – надпись: «No smoking!»

– Да... Нормально так. Ужасненько, – прокомментировала сказанное парнем сидевшая за столом девушка на вид тоже лет двадцати пяти, коротко стриженная под мальчика, одетая в джинсы и майку. – Народ страшилки любит. А еще идеи есть?

Обстановку органично дополняли висящие на стене шаржи на сотрудников, выполненные быстрыми штрихами цветных карандашей. Под шаржами красовались подписи, указывающие, кто есть кто. Дельно! По крайней мере, сразу

можно определить, что девушка за столом, вопреки молодости, носит титул «Креативный директор». На шарже ее майка искрила угловатой надписью: «Таня»... Долговязый парень, очевидно, «Копирайтер». Вон тот бородатый осанистый мужик, похожий на средневекового боярина, переодетого в модное шмотье, – не кто иной, как «Арт-директор». Ряд шаржей продолжался еще несколькими рисунками и заканчивался двумя, висящими отдельно от остальных. На одном был строгий маленький человечек в очках, похожий на усохший одуванчик. Подпись – «Исполнительный директор». На другом – толстый кудрявый весельчак, парящий в воздухе с пропеллером за спиной, как Карлсон, – «Генеральный директор».

– Слушайте, а эти конфеты вообще как? – не дождавшись поправок и возражений, спросил копирайтер, почесывая в заросшем длинном затылке. – Ну есть-то их можно?

– Ага! – хохотнул арт-директор. – Но – строго одноразово! Пробовал я, к зубам прилипают намертво.

– Может, в этом и есть их УТП? – улыбнулась Таня, а точнее говоря, креативный директор Татьяна Ермилова. Аббревиатуры вроде «УТП» – уникальное торговое предложение – были для нее повседневной данностью, она употребляла их машинально, находясь среди коллег, которые, подобно ей, плавали в речевом контексте рекламного бизнеса вольготно, как акулы в водах Атлантического океана.

– Стопудняк! – поддержал Таню арт-директор. – И сло-

ган: «Нет зубов – нет проблем: радикальная защита от кариеса...»

Новый приступ хохота. Трое творцов рекламы были так увлечены своим занятием и так громко при этом высказывались и смеялись, что не сразу услышали многозначительное покашливание со стороны приоткрывшейся двери. Но когда новый человек вошел в помещение, веселье прекратилось сразу, точно перекрыли кран. Вошедший был исполнительным директором, очень похожим на свой карикатурный портрет. Невысокий, худой, бледный, со светло-пепельными волосами, в строгом костюме и неярком галстуке. Губы его подрагивали, пальцы правой руки без нужды поправляли дужку очков.

– Вот... по конфетам брейнсторм проводим... – пролепетала Таня, отчего-то смутившись так, словно ее застали за чем-то нехорошим.

– Ленчик! – пытаюсь вернуть прежнюю дружески-веселую атмосферу, в нарочито приподнятом тоне заговорил арт-директор. – Ты даже серьезнее, чем обычно. Лично я за тебя волнуюсь. Не заставляй волноваться старика...

Натужная приподнятость в голосе арт-директора постепенно сникала, пока не иссякла. Теперь всем стало очевидно, как бледен Леня. Он ослабил узел неяркого галстука. Присел на диван. Снова встал.

– Сейчас... мне сообщили... Кирилл погиб.

Ольга Легейдо, вдова гендиректора «Гаррисон Райт», обладала редкой внешностью, возвышенно именуемой «нежный цветок». Сливочно-белоснежная кожа, голубые, как речная вода в ясный день, глаза, безукоризненный пухлый ротик с чуть выступающей, привлекательной для поцелуев нижней губой. Ольга относилась к редкому типу женщин, которым идет прямой пробор, и, конечно, именно прямым пробором она и разделяла свои золотистые волосы, спадающие ниже плеч, довершая тем самым ангелоподобие.

Но сейчас Ольга скорее походила на гневного ангела. Стоя посреди аэродрома, высокая, с европейским шиком одетая, она кричала, стискивая пальцы:

– Что? Что вы сказали? Этого не может быть!

Руководитель полетов, Володя, маялся перед этой гневной красавицей, переминался с ноги на ногу, бормотал:

– Ваш муж... такая трагедия... все очень быстро произошло... ничего нельзя было сделать...

Заглянув в глаза Ольги, занимавшие пол-лица, он осекся, но продолжил – еще тише и неувереннее:

– Потерял скорость. Свалился в штопор. Может, двигатель отказал. Сейчас невозможно назвать причину...

– Двигатель сам отказал? – Ольга обхватила ладонями, стиснула свое лицо, словно пытаясь его раздавить. – Да? Сам взял и отказал? Да его убили! Уби-и-или-и-и-и!

Володя не мог перекричать этот отчаянный вопль. Он и не пытался. Стоял, облизывал пересохшие губы, зачем-то

поглядывал то на небо, то в сторону диспетчерской. Если у каждого человека есть свой предел прочности, то Володю вплотную приблизил к нему этот безумный, этот убийственный день. Убийственный... в буквальном смысле... Лицо у Володи побагровело, на глазных яблоках проступили кровавые жилки. Сердце бубухало где-то в горле. Резкой перемены в своем физическом состоянии Володя не замечал – точнее, было не до того, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Как любой здоровый, сильный мужчина, руководитель полетов не привык беспокоиться о своем здоровье. Он думал лишь о том, что, возможно, если бы присоединился к Кириллу, был бы счастливее: по крайней мере, не пришлось бы иметь дело с женщиной, потерявшей мужа. Не дай боже! А тут еще эти распроклятые экологи... Все один к одному, и некуда деваться!

Когда к ним подбежали два запыхавшихся парня в униформе сотрудников аэродрома, Володя чуть приободрился. Разговаривать с ними явно было для него легче, чем утешать вдову.

– Ну? Игорь? Паша? Вы нашли Воронина?

Где он?

– Владимир Александрович, – пропыхтел тот, что был выше ростом, – нету... Нигде нету...

– Везде искали, – поддержал его низенький плотный Паша.

– Воронин... – Ко всеобщему облегчению, услышав это

имя, Ольга перестала кричать. – Воронин... Это его инструктор, да? И его нигде нет?

Володя кивнул.

– Инструктор сбежал! – торжествующе припечатала Ольга. – Кто он такой, этот ваш инструктор? Может, это все построено?

– Пока рано делать выводы. – До сих пор державшийся молчаливо в стороне Константин Дмитриевич заговорил, и все взоры обратились в его сторону. – Не сомневайтесь, мы обязательно во всем разберемся.

– Кто это «мы»? – Праведному негодованию Ольги не было границ. – Да вы сами кто такой?

– Я – заместитель генерального прокурора. Ольга, так случайно получилось, что я оказался здесь... И я обещаю вам подключить лучших специалистов к расследованию гибели вашего мужа. Мы обязательно во всем разберемся, мы вам поможем...

Краем глаза Меркулов заметил, что Володя, прижав руку к груди чуть пониже надписи «Руководитель полетов», каким-то неуместно изысканным жестом, точно рыцарь, собирающийся поклониться прекрасной даме, оседает набок. А вот подхватить его, предотвратить падение мощного Володиного тела на землю Костя уже не успел.

«Прекрасная квартирка, – сказал себе Турецкий, очутившись в жилище покойного Кирилла Легейдо. – И, прова-

литься мне на этом месте, прекрасная хозяйка! Хотя и вдова...»

Вдова по имени Ольга (она сразу попросила называть ее по имени, без отчества) не рыдала и не закатывала истерик; очевидно, горе подтолкнуло ее в другую сторону – в сторону безмолвия и отрешенности, что еще больше усиливало Ольгино сходство с ангелом. Ангелоподобная Ольга, одетая по-домашнему во что-то белое и ниспадающее широкими складками, без особых эмоций приняла пояснение Турецкого, что Константин Дмитриевич Меркулов попросил его помочь следствию, и без лишних слов проводила в гостиную, отличавшуюся хорошо продуманным авторским дизайном и богатой, со вкусом подобранной обстановкой. Ольга указала Турецкому на кресло, сама же устроилась напротив, на большом круглом диване. Александр Борисович обратил внимание на суетливый жест, которым Ольга нащупала подлокотник дивана. Как будто боялась сесть мимо...

– Спрашивайте, пожалуйста, – произнесла Ольга мелодичным голосом. – Я постараюсь ответить на все ваши вопросы. Я понимаю, чтобы установить причину смерти Кирилла, вы должны проанализировать ситуацию...

Саша Турецкий анализировал в данный момент не ситуацию – он анализировал вдову. Редкой классической красоты блондинка все время смотрела куда-то мимо собеседника, в сторону, чуть выше или чуть ниже, как бы не в состоянии зафиксировать взгляд на его лице. Эта манера слегка поко-

робила Турецкого: он не считал себя уродом, чья внешность невыносима для взгляда, и привык, чтобы женщины смотрели на него во все глаза. И в то же время в этом намеренном, казалось бы, пренебрежении, в этом соскальзывающем взгляде широко раскрытых, опустелых, отрешенных от всего мира глаз было что-то, приковывающее внимание. Что-то, раздражившее в Александре Борисовиче мужчину. Если бы не Ирина Генриховна, которой он давненько уже поклялся в кристальной безукоризненной верности и держал свое слово... да, если бы не Ирина, он, пожалуй, занялся бы более подробным анализом вдовы!

И, вероятно, это принесло бы пользу следствию. Ольга Легейдо – женщина-загадка, или, правильней сказать, она битком набита загадками. Возможно, среди этих загадок отыщется та, которая поможет отыскать убийцу ее мужа...

Только если смерть Кирилла Легейдо не была обычным несчастным случаем. Ведь заключение специалистов еще не пришло.

– Вы не замечали, что Кирилла что-то тревожит? – спрашивал Турецкий. – Странные телефонные звонки были?

Ольга слегка покачивала головой – отрицательно. При этом ее золотистые кудри перемещались по белым плечам, как бы наделенные самостоятельной жизнью. Роскошные волосы, даже если крашенные. А если у этой блондинки все натуральное – просто с ума сойти!

– Нет. Ничего такого.

– Оля, может быть, муж от вас что-то скрывал?

– Может быть, – все с той же грустной пассивностью согласилась Ольга. – Я теперь никогда не узнаю об этом.

– Простите меня... Он рассказывал вам об аэроклубе? Вы там бывали?

– Никогда. По-моему, у мужчины должны быть свои мужские увлечения, своя территория... Правда ведь?

Голубой взгляд широко раскрытых глаз на какой-то краткий миг соприкоснулся с глазами Турецкого – и, возможно, Ольга прочла, что было написано в них. Александр Борисович вспомнил об Ирине. Которая не способна была примириться с тем, что мужчины и женщины – два разных биологических вида, вынужденных поддерживать мирное сосуществование. Которая то и дело переходила границы, заступая на его мужскую территорию...

– Правда! Подтверждаю целиком и полностью! Но вернемся к Кириллу. Он говорил вам, что готовится к первому полету без инструктора?

– Да. Очень радовался. Он вообще бредил полетом. У него даже кличка на работе была – Карлсон. Глупая, да? А ему нравилась...

Произнося эти слова, Ольга все больше и больше наклонялась вперед, по направлению к Турецкому, приближая к нему свое лицо.

– Вот как? – рассеянно сказал Турецкий, следя за Ольги-

ным взглядом. Ее лицо совсем близко – такое же идеальное, нежное, белое, как и на расстоянии. Не исключено, что секрет ее красоты заключался в особом типе кожи, совершенно гладкой, матовой, не блестящей, а как бы светящейся, точно неглазурованный фарфор. Турецкому казалось, что он рассматривает с очень близкого расстояния прекрасную куклу в рост человека. Это было необычно... завораживающе... Саша попытался представить, каково ощутить соприкосновение с этой матово-нежной щекой...

– Ой! – Соприкосновения не произошло: Ольга, вскрикнув, отпрянула. – Простите, что я вас так разглядываю... У меня минус семь. И я потеряла линзы. Вот хотела узнать, как же вы выглядите, какие глаза у вас.

– Говорят, серые. – Турецкий не знал, радоваться или печалиться тому, что так и не узнал, какова ее кожа на ощупь.

– Серо-голубые, – уточнила Ольга. – И такие... вдумчивые...

Турецкому показалось, что в какую-то секунду она собиралась его поцеловать... Но нет, он всего лишь ощутил возле своих губ ее дыхание. Чистое и душистое, как у ребенка.

...Аэродром героически пытался жить своей прежней налаженной жизнью, не желая признаться, что прежней жизни не будет... По крайней мере, в лучшем случае – некоторое время. В худшем случае – никогда. Об этом летчикам и подсобному персоналу непрерывно напоминал режим усиленной охраны, и в этих условиях невозможно было проникнуть

на работу, не пройдя в течение получаса системы сложных проверок. Люди нервно посмеивались, кое-кто из них возмущался, но не слишком громко и не слишком зло. Перед глазами у некоторых еще стояли останки Кирилла Легейдо, напоминающие скорее не человеческое тело, а обугленный полурастерзанный мешок с тряпьем. Режим усиленной охраны ни у кого не вызывал любви, но все, так или иначе, понимали его необходимость. Разумеется, возникает масса трудностей, зато преступник – если он, конечно, существует – на аэродром не проникнет.

Однако не все возможно предусмотреть. Существуют люди, для которых ни один режим не писан. Для них все карантинные мероприятия – сущие семечки. Конечно, таких людей не может быть много – ведь они чрезвычайно редки... В данный момент на территории аэродрома находился всего один.

Присмотритесь-ка вон к тому невзрачному строению... Видите? Нет, не видите как пить дать. А если так? Дайте себе труд взглядеться в эту кирпичную стену – и если в детстве вы любили отыскивать на загадочной картинке из журнала «Мурзилка» зайчика, спрятавшегося в кустах, или сову в древесной кроне, у вас есть неплохой шанс обнаружить того, кто замер, припаявшись к стене, буквально слившись с ней. Но вот он отделился от стены – и моментально стал видимым. Теперь невидимость ему ни к чему. На человека такой непрезентабельной внешности никто не обратит внима-

ние. Среднего роста, поджарый, в серой футболке и джинсах, на глаза надвинута светлая бейсболка. На первый взгляд – служащий низшего аэродромного звена, обыкновенный подсобный рабочий. Однако он не являлся подсобным рабочим. У него было заурядное лицо, из разряда примелькавшихся, провоцирующих своей очевидной знакомостью, однако никто из сотрудников аэропорта его по-настоящему не знал.

Человек в бейсболке рисковал многим. Ему совершенно не улыбалось засветиться здесь, в этом месте, находящемся под неусыпным контролем. Достаточно он наследил на своем жизненном пути! Тяжелый труд, грязные дела, ошибки молодости... Не хотелось бы сюда соваться, но что поделаешь, приходится! Как говорится, такова печальная необходимость.

Мимо человека в бейсболке прошли, беседуя, Петя Щеткин и парень в униформе летного клуба. Человек в бейсболке, наклонив голову так, что длинный козырек полностью закрыл лицо, сделал вид, будто поднимает с земли случайно оброненную бумажку. На него не обратили ни малейшего внимания. Что и требовалось доказать. Больно они кому-то нужны – такие вот серенькие парни!

Серый парень в бейсболке продолжил короткими перебежками от объекта к объекту свой путь в глубь аэродрома. Теперь ему стало очевидно, что на него не обратят внимания, даже если он наденет шотландскую юбку или индейский головной убор: аэродром кипел иными интересами. Ка-

кими? Очевидно, тревожными: люди взволнованно и тихо переговаривались, кто-то вздыхал, едва не со слезами, кто-то, наоборот, пытался заглушить волнение громкими, бодрыми командами, которые на фоне общего подавленного ропота звучали диссонансом. Точно по тонкой нити, следуя по этим восклицаниям и вздохам к эпицентру распространения тревожных чувств, человек в бейсболке добрался до летного поля, превратившегося в выжженный кошмар. Вздыбленная земля. Обломки того, что уже перестало быть аппаратом, предназначенным для того, чтобы нести человека в небеса. И разорванные, обугленные останки того, что перестало быть человеком... Этому, лишенному намека на человеческий облик, больше не поможет врач. Возле места происшествия суетились совсем особенные врачи – судмедэксперты.

Человек в бейсболке созерцал эти печальные реалии совершенно особенным взглядом, в котором не было ни скорби, ни ужаса. Глаза его оставались бесстрастны, точно объектив фотоаппарата, с максимальной точностью запечатлевающий все подробности. На это не потребовалось много времени. После этого он повернулся – и снова растворился среди работников аэродрома, используя ту же тактику, с помощью которой он сюда проник.

...В близоруком взгляде прищуренных Ольгиных глаз, как показалось Турецкому, отражалась безмолвная жалоба. Она стояла возле полки с альбомами и книгами, перебирая корешки, прочитав надписи на которых была не в состоя-

нии.

– Знаете, Саша, так тяжело без линз. Я не привыкла чувствовать себя такой беспомощной.

– Но неужели нет запасных?

– Это и были запасные. – Улыбка Ольги взывала о снисхождении к женской слабости. – Последние... Когда плачешь четыре дня подряд – приходится часто снимать, менять... Наверное, смыла в раковину сослепу, когда умывалась.

Правдоподобное объяснение. Одна Ирина подруга тоже носила контактные линзы – и, прежде чем приспособилась к их ношению, утопила в раковине безвозвратно не меньше трех пар. А когда эта подруга в гостях у Турецких, нечаянно потеряв глаз, роняла линзу на пол, хозяевам приходилось поспешно вскакивать на стулья или задира́ть ноги, пока гостя ползала по полу, отыскивая свое утраченное сокровище. Так что и с Ольгой вполне могло произойти то, о чем она говорит... Но разве Турецкий сомневался в ее словах? Почему? У него не было никаких оснований для подозрения. Разве только то, что вдова Легейдо чересчур красива... чересчур беспомощна... чересчур женственна... Очень, очень многое в ней – чересчур. До такой степени, что может закружиться самая трезвая мужская голова... Нет-нет, только не голова Александра Борисовича. Он уже твердо решил, что не будет обращать внимания ни на золотистые, великолепного природного цвета волосы, ни на просверкивающую под ед-

ва запахнутым домашним одеянием упругую грудь, ни на... Короче, он будет держать себя в руках. И помнить об Ирине Генриховне.

Кроме того, нелишне отметить, что у Турецкого началось профессиональное раздвоение личности... Нет, речь не идет о психическом заболевании: несмотря на последствия травм, до этого дело не дошло. Речь идет о том свойстве натуры, которое заставляет писателя постоянно подбирать в уме слова для того, чтобы наилучшим образом изобразить окружающее; актера – внимательно ловить в зеркале свое искаженное горем лицо, чтобы позднее на сцене использовать эту мимику для новой роли... Происходит, таким образом, разделение человека – и творца. Сыщик, тоже профессия творческая. Поэтому неудивительно, что Саше частенько пришлось и приходится раздваиваться. И в то время, как Турецкий-мужчина охотно поддавался чарам вдовы Легейдо, Турецкий-следователь с ледяной отстраненностью отмечал: «Да, объяснение насчет линз правдоподобно. Однако с тем же успехом оно может быть своего рода кокетством. Женщина с очень плохим зрением чувствует себя беспомощной. А мужчины склонны клевать на женскую беспомощность...»

От книг Ольга передвинулась к альбомам. Изю всех сил шурясь, вплотную придвинув к полке лицо, она силилась разобрать что-то, понятное ей одной. Турецкий выжидательно застыл рядом.

– Нет, – сдалась Ольга, – совсем не вижу. Просто выни-

майте альбомы один за другим и смотрите. Вдруг что-то вас заинтересует.

Альбомы с фотографиями похожи на персональные кладбища: здесь обычно сохраняются лица людей как покойных, так и навсегда ушедших из жизни обладателя альбома, а значит, тоже все равно что умерших. В сущности, разглядывание старых фотографий – занятие, не склоняющее к хорошему настроению. В особенности чужих старых фотографий. Тем более фотографий, принадлежащих человеку, который недавно погиб.

Но Турецкий погружался в мир Легейдо не для того, чтобы поднять настроение, и не из праздного любопытства. На страницах этих саркофагов, облаченных в пестрые переплеты, могла обнаружиться разгадка преступления – и Саша, вынув один из альбомов, принялся внимательно его листать, рассматривая фотографии и подписи к ним. И все-таки, почти против воли, он продолжал украдкой посматривать на Ольгу, которая стояла рядом и выглядела трогательно-потерянно. словно Красная Шапочка, обнаружившая, что заблудилась в дремучем лесу и где-то поблизости бродит незримый волк...

– Вам надо съездить к окулисту... или в «Оптику»... – Турецкий ни на секунду не забывал об Ирине Генриховне, но что предосудительного в том, чтобы помочь человеку, даже если человек – красивая женщина? – За линзами. Отвезти вас?

– Спасибо. Я тронута. Я же совершенно чужой вам человек.

– Ну что вы. Если я веду расследование, это не значит, что я какой-то черствый и бессердечный.

Ольга улыбнулась – и будто бледное солнце проглянуло из-за облаков.

– Хотя я и близорукая, но вижу, что вы не такой... Однако боюсь, вы мне не поможете. Мобильный моего окулиста был только у Кирилла. А я не помню телефона – только адрес. Я попросила домработницу съездить в эту клинику, записать меня на прием...

– То есть вы будете так мучиться еще несколько дней? – возмутился Турецкий.

– Я не мучаюсь, – покачала головой Ольга. – Мне так даже легче. Сiju, ничего не делаю, никого не вижу. Да и не хочу видеть. Хотя... вот с вами как-то спокойно...

Она пошла обратно к дивану, неуверенно поводя рукой в воздухе, словно ощупывая выпускаемые предметами импульсы. Равнодушно наблюдать за этим Александр Борисович, само собой, был не в состоянии. Подхватив Ольгу под локоть (какая же у нее гладкая, теплая, мягкая рука!), он помог ей сесть. За что был вознагражден тихим «Спасибо». Сам примостился рядом.

– Ольга, – стараясь оправдать свое близкое присутствие, немедленно сказал Турецкий, – на этой фотографии, – он услужливо поднес альбом к самому ее лицу, – банкетный зал,

Кирилл, вы и еще два человека, мужчина и женщина...

– Да-да, конечно, – Ольга не сразу сориентировалась, о какой фотографии идет речь, – это? Снимок был сделан пять лет назад, на Новый год. Это его коллеги. Исполнительный директор и креативный директор его агентства.

– Что за отношения были у них с Кириллом?

И кто из них исполнительный, а кто креативный?..

Над головой – белый потолок. Душный воздух настоян на лекарствах. Что произошло? Володя попытался повернуть голову, но застонал от неожиданно острой боли в груди. Боль в груди присутствовала, как он теперь понимал, с самого начала, потребовалось лишь неосторожное движение, чтобы вывести ее на поверхность, сделать явной для него. Боль была такой яркой и оглушающей, что Володя задохнулся и несколько минут лежал неподвижно, словно выпав из существования. Боль зарождалась в груди, но не сосредоточивалась в ней – Володя целиком, с грудью, с руками и ногами, со всеми внутренними органами, ощущал себя придатком боли.

– Что со мной? – еле слышно вымолвил он. Звук его совсем недавно мощного и громкого голоса напоминал шелест воздуха, пропускаемого сквозь пластмассовую трубочку. Однако и такой голос слышали и наклонились к его кровати:

– Очнулись? Тихо, тихо, не двигайтесь. Нельзя вам сейчас

двигаться.

Из своего положения лежа Володя видел медсестру в своеобразном ракурсе: лицо ее состояло главным образом из длинного подбородка и гигантских шлепающих губ, все остальное возносилось к потолку в слаборазличимом радужном сиянии, испускаемом лампами дневного света. Наверняка медсестра не была уродиной и, судя по гладкости кожи, была довольно-таки молода, но фантастический мир вокруг Володи все искажал в странную и пугающую сторону.

– С сердцем вам стало плохо. – Опытная медсестра выражалась обиняками, не обманывая пациента, но и не вываливая на него сразу всю информацию. К получению всей информации его следует подготовить. Вот когда этот крепкий мужик, который, кажется, раньше ничем серьезным не болел, как следует очухается (*если очухается*), придется ему смириться с тем, что слово «инфаркт» имеет отношение лично к нему, а не к каким-то незнакомым старичкам и старушкам. – Но вы не волнуйтесь. Главное – не волноваться. Вам обязательно помогут...

«Вам помогут». Где-то совсем недавно Володя слышал такие слова. Нет, не совсем так: скорее, «мы вам поможем». Да, правильно, слова имели место. Но где, при каких обстоятельствах? Голова отказывалась работать – может быть, из-за размеренного звука работающих в непосредственной близости механизмов? Как будто что-то прессуют или, скорее, что-то перекачивают... Двигаться Володя больше не решался, опа-

саясь разозлить боль, но, анализируя свои ощущения, обнаружил, что его правую ноздрию беспокоит инородное тело, похожее на какой-то твердый, но гибкий проводок. А что, если посредством проводка прессующе-перекачивающая штукovina подключена к его мозгу? Одна эта мысль содержала бездну кромешного ужаса, как если бы, бреясь перед зеркалом, он вдруг увидел, что во лбу у него зияет аккуратная круглая дырочка, откуда высовывает тупую жирную голову червь-паразит. Навалилась тяжелая сладкая дурнота, и Володя опустил веки, надеясь потерять сознание и хотя бы таким образом исчезнуть из этой невыносимой обстановки. Пусть ничего этого не будет. Пусть по крайней мере временно. А самым лучшим исходом было бы, если бы, придя в себя, он оказался на летном поле, среди вольного ветра, среди друзей, вблизи самолетов, которые он, бывший гражданский летчик, полюбил с детства и потом всю жизнь не изменял этой первой наивной любви...

Кажется, медсестра поверила в то, что новенький пациент потерял сознание. По крайней мере, она больше не задавала никаких вопросов, а всего лишь сделала полагающийся по расписанию укол. Но Володя прекрасно слышал и осознавал, что происходит вокруг; ощутил он и этот укол в руку, комарино-смешной на фоне огромной всепоглощающей боли... А главное, к Володе подступили воспоминания. Он как-то сразу, в одно непомерно раздувшееся мгновение, осознал, что привело его на эту больничную койку. И картина летно-

го поля уже не казалась ему утраченной идиллией. Скорее, оно превратилось в поле битвы – незримой, но от этого не менее ожесточенной.

Откуда она взялась – эта экологическая милиция? Кто их навел? Жители прилегающих к аэродрому земельных участков никогда не выражали недовольства. По крайней мере, Володе о таком слышать не доводилось. Но должна же быть какая-то причина, непременно должна! Иначе откуда, словно по волшебству (злому волшебству!), возник этот защитник чистоты природы? Чистоты... Сам неправдоподобно чистенький, весь отглаженный, отутюженный, без единого пятнышка, словно герой советского плаката, призывающего ехать на всенародную стройку, воплощать в жизнь решения партии и правительства. Или беречь природу, на худой конец.

И лицо самое что ни на есть подходящее для плакатов: прямой нос, уверенная линия подбородка, непреклонный лоб, не тронутый морщинами. Володя, значительную часть своей пятидесятидвухлетней жизни проводивший при советском строе, не мог не вспомнить, что были во времена его детства «зеленые патрули» – это когда детишки-пионерчики охраняли природную среду, делая замечания неаккуратным взрослым, которые ее загрязняли окурками, обертками от мороженого и прочим хламом, рвали цветы и разводили костры. Если бы противник не был так молод, Володя на что угодно поспорил бы, что тот начал экологическую карьеру

еще в детские годы, вот в таком «зеленом патруле». И еще об заклад побился бы, что, когда юному экологу случилось заловить преступного взрослого на загрязнении окружающей среды, на его мальчишеской мордашке отражалось чувство злобного удовольствия.

Если даже это было так, с тех далеких лет эколог отлично овладел искусством сдерживать эмоции. Ни один, что называется, мускул не дрогнул на его плакатном лице, когда он раскинул перед Володей свои карты – географические карты местности, на которые был нанесен аэродром. Вследствие крупного масштаба аэродром выглядел значительно, чем был на самом деле. На карте это был разросшийся техногенный монстр, несущий угрозу мирным гражданам, и даже Володя, зная размеры аэродрома в действительности, не мог избавиться от неприятного чувства.

– Но посмотрите, – втолковывал экологу Володя, – какой тут может быть шум? Откуда? Где аэродром – а где поселок!

– Вы не учитываете размеров охранной зоны, – свысока, точно с несмысленным разговаривая, отвечал представитель экологической милиции.

– Как это – я не учитываю? Аэродром строился с учетом всех правил! Я вам документацию могу предъявить!

И предъявил. Но оказалось, что экологу документации мало. По существу, никакая документация ему не нужна. Ему только одно нужно: доказать собственную правоту. А для этого ему все средства хороши. Каждое Володино возраже-

ние он разбивал своими малопонятными для непосвященных аргументами, сыпал терминами и научными выкладками, намереваясь похоронить под ними собеседника. И похоронил... И потом – беда не приходит одна – несчастный случай с Кириллом Легейдо...

И теперь, наверное, если еще продолжится эта проклятая боль, Володю похоронят по-настоящему...

Нет! Это все слабость и глупость! Он не должен умирать! Он не может умереть прежде, чем сообщит Косте Меркулову одну деталь, которая должна помочь расследованию. Володе следовало вспомнить о ней раньше, еще тогда, когда он стоял перед вдовой, бормоча несвязные извинения; но, видно, в той суматохе невозможно было ясно мыслить. Сейчас ясность мышления вернулась к нему – пусть даже ценой боли. И он вспомнил... Это срочно! Нужно позвать медсестру! Володя открыл рот, но не смог выдавить из себя даже слабенького звука. В отчаянном усилии он попытался приподняться – и тогда боль, полностью вступив в свои права, навалилась ему на грудь. И темнота, которая так давно подкарауливала поблизости, засунула его в свой бездонный мешок...

Подошла медсестра. Впрыснула шприцем лекарство в прозрачную трубочку, тянущуюся под Володину ключицу от подвешенной на штативе капельницы. Мельком взглянула на пациента, попытавшись определить, без сознания он или просто спит, и тут же отошла. Она не могла посвящать все свое время ему, на ее попечении находились и другие

больные.

К матери Кирилла Легейдо Петя Щеткин идти откровенно боялся. Он терпеть не мог общаться с горюющими родственниками, которые ничего путного сказать не могли, а вместо этого то восхваляли до небес покойного, то принимались вдруг обвинять того, кто их расспрашивал, приписывая ему несуществующую медлительность, по каковой причине убийца до сих пор не найден. Но что поделать, начальство «Глории» решило, что для расследования немалую важность представляют отношения в семье покойного. Как он жил с женой – никому не известно. А кто об этом расскажет лучше, чем мать? У свекрови, когда нужно присмотреть за невесткой, глаза острые – любому частному сыщику даст фору...

Анна Валентиновна Легейдо обитала на верхнем этаже сталинского дома, завершавшегося вычурной башенкой. Петя Щеткин еще на подходе к дому поднял голову, и ему стало жутковато: башенка с длинным окном одиноко торчала среди пространства, покрытого кровельным материалом и обнесенным низкой, совсем несерьезной решеткой. Будто на крыше кто-то решил построить домик... Смелые же люди живут здесь: совсем не боятся высоты! Возле решетки торчало самодельное приспособление для сушки белья, на котором развевались простыни; возле окна – цветочные горшки... «Так вот почему Кирилл так любил Карлсона, – подумал Петя. – Мальчик, который жил на крыше, превратился в

летающего рекламиста. А потом улетел навсегда... Неплохая сказочка. Жаль, совсем не детская».

Поднявшись на последний этаж в поскрипывающем лифте, который можно было бы использовать в съемках исторического фильма о буднях советского начальства, Петя позвонил в единственную имевшуюся здесь дверь, которая источала кислый запах клеенки и ваты. За дверью так долго не намечалось никакого движения, что Петя уже подумал, что зря пришел: наверняка хозяйки нет дома. Смерть сына – большие хлопоты! Однако, вопреки этому трезвому сообщению, Щеткин решил обождать. Его терпение оказалось вознаграждено: к обратной стороне двери точно ветром придуло что-то легкое и шуршащее, и сразу же клацнул открываемый замок.

Щеткин не видел Кирилла при жизни, но по фотографиям и показаниям его знакомых составил о нем представление как о массивном, крупном, даже чрезмерно толстом человеке. Если так, значит, он пошел в отца, потому что стоявшая перед Щеткиным женщина лет шестидесяти, которая могла быть только матерью гендиректора «Гаррисон Райт», оказалась худощавой и небольшого роста – пожалуй, она выглядела выше исключительно из-за своей худобы и темно-синего платья в вертикальную полоску. За ней дышала потоками воздуха квартира, показавшаяся Пете по первому впечатлению чем-то вроде каюты корабля, которого носит по свету воля ветров... «Воздушный корабль», – поэтически подумал

Петя, протягивая свое удостоверение. Анна Валентиновна едва скользнула по нему и Пете взглядом больших, прозрачных, бесслезных, но при этом отрешенных глаз.

– Да, – сказала она, – проходите, будьте любезны. Я понимаю, вы должны расследовать, куда девался Кирюша...

И, спеша перебить Щеткина, который все равно не знал бы, что на это ответить, строго добавила:

– Я не могу поверить, что он разбился. Просто не могу. Я не верю. Бывают ведь ошибки. – Это прозвучало у нее не вопросительно, а утвердительно, словно иначе и быть не могло. – Мне его не показали. Говорят, там не труп, а сплошной... сплошное... Одним словом, его нельзя узнать. Может быть, это и не мой сын. А где мой сын, я не знаю. Он всегда был таким... непредсказуемым! Однажды Кирюша, когда ему было шесть лет, пропал на целый день, а потом выяснилось, что он самостоятельно поехал на ВДНХ и там пять часов бродил в павильоне ракетостроения, а потом сел на неправильный автобус, и он его далеко завез, и пришлось возвращаться пешком... Это правда, я не обманываю. А меня все обманывают. А если бы не обманывали, показали бы его тело. Говорят, тело в ужасном состоянии, но разве мать не узнает своего сына в любом состоянии? Говорят, будет экспертиза. Экспертиза все покажет...

Что можно возразить в ответ на такой монолог? И стоило ли возражать? Петя способен был лишь горячо сочувствовать этой матери, пережившей взрослого сына. Если сын

для нее жив, пока судебно-медицинские эксперты не вынесли окончательного вердикта, кто отнимет у нее эту иллюзию? Хотя бы еще несколько дней Кирилл для матери будет жив – а после, стоит надеяться, она найдет в себе силы смириться с неизбежным.

– Вы ездили... на аэродром? – Щеткин не решился спросить о морге. Анна Валентиновна энергично взмахнула тонкой, перевитой синими венами рукой.

– Куда вызвали, туда и поехала. Кому я нужна? Что я понимаю, бестолковая старуха? Всем будет заниматься Оля, жена Кирюши. Она деловая, жесткая...

Характеристика, данная Ольге Легейдо, поразила Щеткина. Трогательная блондинка Ольга, нежный цветок – и вдруг жесткая, да к тому же и деловая? Уже интересная информация к размышлению. Если только несчастная старуха не помешалась от горя...

Самого худшего, чего боялся Щеткин, направляясь сюда, не произошло: Анна Валентиновна не плакала. Горе выразилось у нее в бурной и беспорядочной деятельности. Она бегала по всей комнате – старомодно большой, с лепниной на потолке, – постоянно хватая с мест разнообразные вещи и возвращая их обратно. Сняла с полки фарфорового ежика-спортсмена с теннисной ракеткой – поставила обратно; подхватила с дивана пяльцы с незаконченной вышивкой, изображавшей, насколько понял Щеткин, букет цветов, – не положила, а уронила так, что пяльцы завалились за диван-

ный валик. Анна Валентиновна не обращала внимания на такие мелочи. И при этом она непрерывно говорила, говорила и говорила:

– Чем я могу вам помочь? Показать его фотографии? Дипломы? Вот здесь в шкафу – его любимые книги, посмотрите, пожалуйста... Он не взял их с собой – для того дома купил новые издания. Потом, он в последние годы в основном читал с экрана компьютера, по этому вашему, как вы его называете, Интернету, совсем отвык от нормальных бумажных книг...

Щеткин посмотрел на корешки любимых книг Кирилла Легейдо. Ему бросилась в глаза часто повторяющаяся фамилия «Майринк». Фамилия Пете ничего не говорила, но корешки были затрепанные, значит, этого самого Майринка Легейдо перечитывал часто.

– Мистическая проза, – уловила его интерес Анна Валентиновна. – Майринк жил в Праге, писал по-немецки. Кирюша буквально бредил Прагой. Дважды ездил туда – и по делам, и туристом. Говорил, что после Москвы Прага для него лучший город на земле.

– А где же книжка про Карлсона? – наивно спросил Петя. Анна Валентиновна попыталась улыбнуться, но даже те ни улыбки у нее не получилось – так, натужное сокращение лицевых мускулов. По правде говоря, в ее положении не до улыбок...

– Вот все вы уверены, наверное, что Кирюша ничего, кро-

ме «Карлсона», не читал! Я понимаю, он сам хотел, чтобы о нем так думали, нарочно представлялся таким ребячливым, таким... простым...

А ведь он получил прекрасное образование. И если бы не занялся бизнесом, стал бы выдающимся ученым. Психолингвистом... Из него вышел бы ученый мирового значения, я убеждена!

Кирилл Легейдо, сын скромных инженерно-технических работников, родился в середине буйных шестидесятых годов XX века, которые на Западе совершили революцию в музыке, литературе, кино, мировоззрениях... Но то – на Западе! В Советском Союзе Кирюше не светило ничего, кроме дисциплины, воспитания коллективизма, участия в пионерской организации и военно-патриотических играх, обязательно среднего образования, а в перспективе – работы неутомительной, но и неденежной. Однако в эту скучную схему детства и юности Кирилл умудрился внести свою изюминку, да еще какую! Создавалось впечатление, будто ветер хипповых шестидесятых, перелетев советскую границу, повлиял на спокойные легейдовские гены... В школе на родительских собраниях Анну Валентиновну часто хвалили за успехи сына в учебе и постоянно ругали за его поведение. Почему считалось, что Кирюша плохо себя ведет? Нет, он не хулиганил, дрался редко – только когда к нему приставали, дразня «шкилетиной» и «кощеем». Как ни смешно, в детстве он

был очень худеньким! Причина, по которой от Кирюши Ле-гейдо стоном стонали директор, завуч и многие учителя, заключалась в его независимости и самостоятельности: качества, которые были тогда подозрительными у взрослых, казались почти невероятными у ребенка. По тем предметам, которые любил – история, география, литература, русский и английский языки, – Легейдо учился охотно, демонстрируя знания, выходящие за пределы школьной программы; что касается остальных, сознательно довольствовался «троечками». Не видя смысла в ежедневном посещении школы, этот мальчик, предвосхищая принцип вузовского образования, мог пропустить несколько уроков, чтобы потом ответить по нескольким темам сразу. Худшим его пороком, по мнению педагогов, был твердый отказ участвовать в игре «Зарница», смотрах и прочих демонстрациях детской лояльности. «У него совершенно не сформирован интерес к жизни школы!» – клевали на собраниях учителя огорченную Анну Валентиновну, которая не смела в ответ рассказать, что у Кирюши зато вполне сформирован интерес к взрослым книгам по филологии и теории литературы. И к внешкольным друзьям, многие из которых были старше его, но находили о чем поговорить с этим мальцом... Такие оправдания привели бы педагогический коллектив в ярость. И без того отдельные учителя готовы были съесть Легейдо живьем – особенно биологичка, после того как он в присутствии инспектора из роно поправил ее: нет такого животного – «лошадь Прежвальско-

го», а вот «лошадь Пржевальского» – есть!

Одним словом, Кирюша Легейдо, хотя внешне тогда совсем не походил на Карлсона, был настоящим нарушителем школьного спокойствия – совсем как маленький толстенный человечек с пропеллером...

Папа Кирюши, рано умерший мечтатель, надеялся, что сын станет поэтом. Более трезво мыслящая Анна Валентиновна отмечала, что, хотя для Кирюши не представляет трудностей написать стихотворение или рассказ в подражание образцам известных писателей, литературное творчество само по себе его не влечет. Изощреннейший читатель, Кирюша старался понять: в чем секрет влияния литературы на людей? Почему такая нематериальная, невидимая вещь, как слово, способна вызывать материальные, телесные ощущения? Как взаимодействует слово с человеческим мозгом? Неудивительно, что, поступив на филологический факультет МГУ, рано или поздно Кирилл должен был увлечься наукой психолингвистикой, которая всеми этими вопросами занимается. Жизнь бурлила! Уйма планов, уйма новых книг, уйма друзей, с которыми он до часу ночи обсуждал на кухне разнообразные аспекты бытия...

В этом, однако, не было никакого диссидентства. Кирилл не видел пользы в обсуждении недостатков социальной системы, при которой выпало жить. Кирилла вообще не интересовала политика. Его прирожденный нонконформизм заключался в том, что при любом внешнем раскладе, при лю-

бом режиме он делал то, что хотел делать. До тех пор пока режим ему не мешал делать, что хочет, Кирилл вообще не обращал на него внимания.

Но пришлось обратить, когда изменившаяся ситуация в России – нет, не закрыла, а открыла перед ним новые возможности. Тогда Кирилл Легейдо, прославившийся в узких кругах своими статьями, опубликованными как в специальных изданиях, так и в самодельных альманахах, предпочел тихой кабинетной работе опасности военно-полевой деятельности... Одним словом, ушел проверять на практике возможности влияния слова на человеческие массы. Стал рекламистом. И это – в девяностые годы, в разгар дикого накопления капитала, когда правила игры менялись на каждом шагу! Легко было основать собственное дело, еще легче было прогореть. Кирилл не только не прогорел, но и не был застрелен, и не опустился на самое дно. Его агентство считалось одним из самых процветающих рекламных агентств в России, во что Anne Валентиновне всегда было трудно поверить. Она такая трусиха, она ни за что не смогла бы играть в эти головоломные коммерческие игры, которые для ее сына были не сложнее партии в шашки. А покойный папа Кирюши вообще никогда не попытался бы заработать деньги как-нибудь иначе, чем ежедневным монотонным трудом...

Просто удивительно, что у таких заурядных родителей, какими были они, мог появиться на свет такой необыкновенный сын! В супругах Легейдо не было ничего необычного,

кроме фамилии, да они и сами не знали, откуда она взялась. Судя по звучанию, должно быть, украинская, но и это спорно...

Конечно, не все друзья и знакомые Кирилла приняли его выбор. С некоторыми он поссорился. Особенно большой и острый зуб на него заимел один бывший друг... как же его фамилия?.. ох, старость не радость!.. Они вдвоем с Кириллом были любимыми учениками профессора Солодовникова, хотя, наверное, следствию это неинтересно... Одним словом, этот молодой человек так же, как и Кирилл, ушел в рекламные джунгли, рассчитывая с помощью своего таланта заработать огромные деньги. Но то ли таланта не хватило, то ли обстоятельства сложились для него невыгодно, в общем, он обрелся сейчас, как говорил Кирилл, на самом рекламном дне и ругательно ругал Легейдо, который якобы чем-то ему навредил. Но чем ее сын мог ему навредить? Может быть, не помог, но лишь потому, что это было невозможно, иначе Кирилл обязательно пришел бы на помощь. Он был такой отзывчивый!

Петя Щеткин взял на заметку неведомого друга-врага. В конце концов, война между рекламистами – удобный повод для убийства.

– Спасибо, Анна Валентиновна. Вы очень помогли следствию...

У матери Легейдо стало вдруг такое разочарованное лицо, будто она только сейчас осознала: этот чужой человек при-

шел в ее дом только потому, что в этом доме больше нет Кирилла. Ей как будто бы хотелось задержать то состояние, которое она испытывала только что, когда рассказывала о жизни сына – так, словно он все еще жив... Но, видимо, ничего нельзя вернуть. Особенно отлетевшую минуту.

– Тогда... извините... я вас провожу... Я что-то неважно себя почувствовала...

– Что с вами? Может, вызвать врача? «Скорую»? Дать лекарство?

– Нет-нет, спасибо, ничего не надо. Голова закружилась. Я полежу, и все пройдет.

Когда за Петей захлопнулась обитая дерматином дверь, он прислушался. Что это – подавленный всхлип? приглушенный вопль? вой? Кажется, Анна Валентиновна, как ни старалась спорить с очевидностью, отлично понимала, что сын ее погиб и ей, старухе, предстояло доживать скудные остатки своего века в полном одиночестве... Петя поежился. Вот уж не приведи господь такое испытать!..

А все-таки визит прошел не зря. Этого друга покойного, кто бы он ни был, надо пощупать как следует.

Антон Плетнев никогда не считал себя застенчивым человеком, но сейчас топтался в дверях креативного отдела агентства «Гаррисон Райт», не решаясь войти. Здесь, в этих по-дикарски ярко раскрашенных стенах, велись совершенно особые игры.

В них играли люди с непривычными манерами, непривычно одетые и разговаривающие на языке, в котором лишь отдаленно опознавался русский. Поэтому Антон сурово переминался с ноги на ногу, ожидая, пока на него соизволят обратить внимание, и в ожидании этого светлого момента елозя взглядом по стене с шаржами, оказавшейся как раз напротив него. Ничто не изменилось, за исключением того, что шарж на Легейдо в виде Карлсона оказался убран в черную рамку. Веселый Карлсон, озорник, выдумщик и затейник – и вдруг черная рамка... Да, страшные вещи происходят в этом мире, ничего не скажешь.

На диванах и креслах креативного отдела удобно расположились арт-директор, копирайтер и еще двое-трое человек, не нашедших отражения в шаржах – должно быть, мелкая сошка, рекламные работники низшего звена. Все они внимательно слушали креативного директора – Таню, и Антон отметил, что если она в таком молодом возрасте добилась своего теперешнего положения, значит, очень и очень неглупа.

Но так ли она молода? Мальчишеская стрижка, одежда «унисекс», незаметная косметика – все это делало ее совсем юной, но когда она улыбалась и отдавала приказания уверенным тоном, Антон готов был поспорить, что ей не двадцать один и даже не двадцать пять, а больше... А, ладно, кто их тут разберет? Сейчас все из кожи вон лезут, чтобы выглядеть моложе, особенно представители профессий, которые требуют постоянной работы с людьми.

– Так, всем спасибо, – прозвучал надо всем собранием звонкий Танин голос, и народ начал привставать с мест. – Завтра в десять пробрифую вас по лончу нового бренда.

Пока Антон пытался проникнуть в смысл этой фразы, за ней последовала другая, чуть более понятная:

– И свяжитесь с продакшном – послезавтра приезжают французы.

– А как же мы... с французами... – смущенно промямлил долговязый черноволосый парень в рубашке с изображением двух обнимающихся скелетов и надписью по-английски, которую Антон прочесть сумел, а вот перевести не смог.

Реплика долговязого произвела на всех угнетающее впечатление. Присутствующие замолчали и словно окаменели. Долговязый, который вообще-то не производил впечатление робкого мальчика, смутился еще больше.

– Как мы без Легейдо, ты хочешь сказать? – дотошно уточнила Таня, и парень-копирайтер кивнул, опустив взгляд. – Да не знаю, не знаю, как мы без него. Вообще не знаю...

Всеобщее молчание продолжалось, становилось все тягостнее. Бородатый осанистый арт-директор открыл рот, возможно, намереваясь обнародовать что-то утешительное, но только махнул рукой. Вместо того чтобы сказать что-нибудь, он подошел к Тане и потрепал ее по плечу – немного фамильярно, но вместе с тем почти по-отечески. Таня кивнула, благодарно прикоснулась к его руке. Потом оба слегка ударили друг друга открытыми ладонями – жест отработанный

ный, как если бы... Как если бы он был приветственно-дружественным ритуалом людей из одной команды? Очевидно, так – судя по тому, что Таня обменялась таким жестом с каждым сотрудником.

В эту минуту Антон совершенно перестал смущаться и стесняться этих чужих непонятных людей, занятых чуждым непонятным делом. Они показались ему поразительно невзрослыми – ну точно компания друзей-подростков, которые попали в беду. А затем... Затем сотрудники пошли к выходу. И Таня наконец-то увидела Плетнева, все так же подпиравшего дверной косяк.

– Здравствуйте! – Голос у Тани был мальчишеский, бойкий, как у воробья. – Вы – Антон Плетнев? А я – Таня. Присаживайтесь.

Широким, тоже мальчишеским (или мужским) жестом указав ему на кресла и диван, Таня скользнула за свой рабочий стол, к компьютеру.

– Спасибо, я так, пешком посмотрю, – неловко отшутился Антон. – Интересно тут у вас. – И он демонстративно устался на стул под потолком.

– Да, – Таня восприняла его реплику как похвалу, – креативно подходим к интерьеру.

Плетнев кивнул, медленно двигаясь вдоль стены и с нарочитым вниманием разглядывая шаржи, которые отлично рассмотрел, пока стоял в дверях.

– Извините, что заставила ждать. Зато понаблюдали за на-

шей работой.

– Да наблюдатель-то из меня хрено... простите, плохой. Ни одного слова, кроме «французы», не понял.

– Ну бренд – это торговая марка, – пустилась разъяснять ему Таня, будто несмышленишу. – Бриф – это... попросту говоря, это задание, задача. Лонч – это первый запуск продукта на рынке...

– Спасибо. Стало понятнее... немного, – улыбнулся Антон, подстраиваясь под роль несмышлениша. – Таня, а еще переведите мне, пожалуйста, название вашей должности. Чем креативный директор отличается от исполнительного директора?

И Плетнев указал на шарж, изображающий сухопарого очкарика, висящий отдельно от прочих, рядом с шаржем на самого Легейдо.

– Креативный – это главный по креативу... – Уловив наивно-вопросительный взгляд Антона, Таня пояснила: – По творчеству.

– А исполнительный эти идеи исполняет? – Антон предпочитал показаться дебилом, лишь бы расставить все точки над «и». – То есть исполнительный – подчиненный креативного?

– Нет. – Между бровей Тани легла отчетливая вертикальная морщинка, и теперь стало очевидно, что впечатление Антона было правильным и креативному директору, пожалуй, уже стукнул тридцатник. Унылая для женщины грани-

ца возраста! – Исполнительный занимается производством. Финансами. Он – правая рука генерального. Креадир занимается творчеством. Тут он – главный. Каждый копирайтер или арт-директор теоретически мечтает стать креативным. А если ты уже стал креадиром...

– ...ты уже генерал, – подхватил Плетнев, – но проводишь операцию под командованием другого генерала, ну то есть креадир. Как флот и сухопутные войска!

– Точно! – одобрила его метафору Таня. – Флотоводец какой-нибудь не станет пехотой командовать. Ему море нужно. Вот так и я, например. Рулить финансами никогда не хотела.

Несколько фотографий из семейных альбомов Легейдо были вынуты из своих картонно-целлофановых прибежищ и пачкой лежали на журнальном столике, в стороне. Альбомы сиротливой ненужной горкой громоздились рядом с фотографиями. Ни Турецкого, ни Ольги в комнате не было, зато их голоса доносились из кухни. Вместе с ароматом свежего кофе, который, кажется, уже довели до кипения и сняли тютелька в тютельку когда надо, не слишком рано и без переделки. ... Только в этом случае, и ни в каком другом, свежесваренный кофе обладает запахом, способным свести с ума миллион арабских шейхов. И Александр Борисович Турецкий, конечно, был прекрасно осведомлен, как довести кофе до нужной кондиции.

– Финансами управлял, конечно, Кирилл. – Голос Оль-

ги звучал так распевно и монотонно, словно она рассказывала Турецкому давно известную обоим детскую сказку, не имевшую сейчас ни малейшего значения. – Он – учредитель агентства, он его создал, нанял Таню и Леню... Он знал их раньше, по работе... Ну как у нас, все готово?

– Готово! Куда налить?

– Вернемся в комнату, если не возражаете...

– Желание женщины – закон.

Турецкий внес в комнату поднос с кофейником и двумя миниатюрными чашечками китайского фарфора. Ольга вошла следом, держа в руках плетеную корзинку с печеньем. Турецкий, сдвинув фотоальбомы, поставил на столик кофейник и чашечки. Назревал небольшой пир. А где пир, там и дружеские отношения. Дружеские... очень дружеские... близкие...

– Давайте это сюда поставим. – Не забывая о своих обязанностях зрячего по отношению к слабовидящей, Саша взял из рук Ольги печенье, а затем заботливо помог ей сесть.

– Мне так неловко, – румянец придавал Ольге новое очарование, хотя идея, что с такой красотой можно стать еще очаровательнее, представлялась невозможной, – захотела напить кофе – и вас же заставила его варить...

– Оля, меня нельзя заставить, – значительно выговорил Турецкий, аккуратно наполняя чашечки душистым черным напитком, – я могу сам захотеть. Ну что я, буду смотреть, как прекрасная женщина без контактных линз варит мне кофе,

рискуя ошпариться?

Ольга, нагнувшись, взяла чашечку за ручку. Осторожно, сдерживаемая исходившим от нее жаром, поднесла к губам. Отведала – и, откинув голову, зажмурилась:

– Кофе вы варите великолепно!

– Фамилия обязывает! – рассмеялся Саша, протягивая руку к корзинке с аппетитными кругляшками, обсыпанными сахарной пудрой. – Оля, я так понял, что Кирилл был единственным хозяином агентства?

– Нет. Когда он пригласил Леню на должность исполнительного, почти сразу предложил ему стать соучредителем. Небольшой процент акций... не помню даже какой...

– Я думаю, на все остальные вопросы вам сможет ответить наш исполнительный директор. Он скоро подойдет...

– Спасибо, Татьяна, – поблагодарил Антон, испытывая внутреннее недовольство. И это все? Здесь, в креативном отделе, он узнал кое-что о работе и терминологии рекламного агентства, но все это не навело на мысли, кому же было выгодно убрать с дороги Кирилла Легейдо, который на стене, обрамленный черной рамкой, в виде Карлсона возносился в небеса. Антон просто не мог так закончить разговор! И, самое главное, у него брезжило предчувствие, что у Тани еще осталось что сказать по этому вопросу.

Предчувствие его не обмануло. Бросив в сторону Плетнева красноречивый взгляд, Таня молча написала на пластике

настенной доски: «Подойдите к компьютеру». Быстро стерла надпись и села за компьютер, настороженно глянув на дверь. Но дверь закрыта – из коридора не видно, что происходит в комнате. Убедившись в безопасности, Таня кивком пригласила сестр рядом с собой застывшего на месте Антона.

– Вот вы еще спрашивали, почему такое название – «Гаррисон Райт»? На самом деле иностранного капитала тут никогда не было. Это всего лишь мода конца девяностых...

Пока голос Тани ровно и безмятежно произносил эти слова, ее пальцы бегали по клавиатуре. На экране открылось окно последней версии «Word», в котором постепенно возникали слова... Антон прочел:

«Тут может быть прослушка. От Лени такого можно ждать. Сами увидите, какой он человек. Хотя умеет вежливо улыбаться. Кажется строгим и щепетильным».

– Правда? – среагировал Антон непонятно на какие слова: то ли произнесенные, то ли написанные. Учитывая требования конспирации, поправился: – И... что за мода была?

– Русские учредители называли свои агентства какими-нибудь английскими словами. Или аббревиатурами...

Под прикрытием этой мини-лекции Таня продолжала печатать, а Антон – читать, поглядывая на креативного директора и кивая в знак того, что понял.

«У Лени 25 % акций. После смерти Кирилла он стал и. о. генерального. За полгода он сможет взять контроль над всем пакетом. И даже вдова у него ничего не отберет. Он спец в

законодательстве».

Лицо у Тани стало напряженное: губы побелели, пряди коротких волос прилипли к внезапно взмокшему лбу. Что заставляет ее испытывать такие сильные эмоции? Боится исполнителя директора? Или дело в чем-то другом?

– Неужели Легейдо так гнался за модой? – продолжал подерживать внешний, обращенный к прослушиванию диалог Антон Плетнев.

– Нет. Скорее, использовал ее. – На голосе Тани не отражались чувства, написанные на ее лице: создавалось впечатление, будто девушка подвержена раздвоению личности, которое использует с выгодой для себя. – Он же такой у нас... – Таня попыталась изобразить улыбку своими бледными губами, – ну неспортивный, да? А всегда хотел быть летчиком. И еще супергероем, как Индиана Джонс...

Антон не на шутку заинтересовало это поразительное признание – пожалуй, главное в сказанном Таней на словах, что показалось ему важным. Он вопросительно взглянул на собеседницу – мол, неужели? Та кивнула и снова ударила пальцами по клавиатуре:

«Я считаю, что у него был мотив... хотя поверить в это трудно. Все ценят Леню. Доказательств у меня пока нет. Но я знаю, как их добыть».

– Ему правда хотелось быть супергероем? – вслух уточнил Антон.

При этом он набирал на Танином компьютере: «Не делай-

те это сами! Это может быть опасно! Поручите мне».

– Нет. Просто он всегда шутил на эти темы.

И назвал агентство по имени Гаррисона Форда, актера, который Индиану Джонса играет. И по фамилии братьев Райт, первых летчиков...

Следующая реплика тайного диалога-переписки на компьютере:

«Ничего опасного. Вам это не поручишь. Вы тут ничего не знаете, только вспугнете его»...

От короткого слова «его» на мониторе появилась всего лишь первая буква, «е». Потому что в эту секунду скрипнула дверь! Таня мгновенно закрыла набранный текст, еще не видя, кто входит. Но, как выяснилось, не напрасно запаниковала. Потому что вошедший, все в тех же, как на шарже, очках, строгом костюме и при скромном неярком галстуке, был не кто иной, как Леонид Савельев, исполнительный директор, чья персона только что находилась в зоне особого внимания. Вот уж здорово, должно быть, ему икалось! Антон не удивился бы, если бы Савельев и вправду начал икать. Хотя это совсем не вязалось с его нейтральной педантичной внешностью.

– Ленька! – Таня вскочила из-за компьютера, и Антон отметил, что она – неплохая актриса: лицо моментально разгладилось, в голосе – неподдельная приветливость. – Привет! Вымотался?

– Да, есть немного, – сдержанно произнес Леонид.

– Сказать, чтоб тебе чаю заварили? Я сейчас, я мигом! Да, познакомься: это Антон, детектив. Его прокуратура попросила помочь следствию.

– Очень приятно! – Антон ожидал, что рука у такого заморыша, как Леня, окажется потной и скользкой, но оказалось, что она сухая, хотя и необычно холодная. – Леонид Савельев, исполнительный директор агентства «Гаррисон Райт». Пойдемте в переговорную, не будем мешать Тане.

Проводив двух мужчин, Таня тщательно закрыла за ними дверь и вернулась за свой компьютер. Откинувшись на спинку стула, испустила вздох... Вздох облегчения? Или – грусти? Вытащила из кармана мобильник, нажала несколько кнопок и заговорила в телефон:

– Ну привет! Да вот, был сыщик... Да, я все выложила. Написала... А можно было и просто сказать, потому что никакой прослушки тут нет! Я знаю, что ты считаешь, что есть, а я считаю, что нет!

Напряжение все еще не оставило Таню, и, чтобы хоть чуть-чуть пригасить, обуздать его, она вскочила с жалобно звякнувшего стула и принялась ходить кругами по комнате, прижимая к щеке телефон.

– Потому что Кирилл был против прослушки в собственном офисе, а Леня без ведома Кирилла ничего не делал. Ты же знаешь! Ну называй меня душой сколько угодно!

Голос Тани сделался тихим и злым. Чувствовалось, что она с трудом удерживается, чтобы не закричать.

– Да, и говорить с тобой в своем кабинете я буду вслух. Никого тут нет, никто нас не слушает, успокойся уже!.. За чем тогда сыщику про прослушку говорила? Тебе интересно, да?

Таня злорадно улыбнулась, как человек, наконец-то поймавший собеседника на глупости. Хотя собеседник этой улыбки видеть не мог и, следовательно, заключенного в ней посыла не оценил...

– А ты восьмое правило Огилви помнишь? «Конкретные факты в рекламе работают лучше, чем общие слова». Я хочу доказать, что Леня – мразь. Доказательств у меня нет. Но скоро будут, я уверена...

В прихожей квартиры Легейдо возле входа была подвешена связка крупных медных индонезийских колокольцев, напоминающих о том, что Кирилл был эксцентричной личностью с ярко выраженной тягой к экзотике. Стоило пройти мимо этой связки, даже как будто не коснувшись ее, как колокольчики начинали протяжно и глухо позвякивать. Этот звук они издали и тогда, когда Турецкий с Ольгой вышли в прихожую. Пришла пора прощаться. Близоруко щурясь, Ольга наклонилась, почти прикинув к замку. Турецкий, делая попытку ей помочь, протянул руку к задвижке.

– Господи, и как вы без линз еще день будете обходиться? – заботливо спросил он. – Оля, мне просто страшно вас одну оставлять...

– Саша, мне бы тоже не хотелось, чтобы вы уходили, – с поразительной откровенностью ответила Ольга.

Как бы сообразив, что сказала, она опустила взгляд, продолжая держать руку на задвижке. Турецкий накрыл ее руку своей... Чтобы помочь открыть дверь? Или – чтобы воспрепятствовать? Не собирался же он в самом деле остаться здесь, в квартире молодой красавицы вдовы?

Верность, верность! Да, он обещал Ирине, тысячу раз обещал! А сколько раз срывался? В конце концов, для мужчины измена совсем не то же, что для женщины. Если женщины стремятся все перевести на глобальные духовные рельсы, то для мужчин существует только материальное действие. Но если оно предельно элементарное, предельно естественное, то о чем же, в самом деле, долго рассусоливать? Турецкий любил свою Ирину Генриховну – но он не мог закрыть глаза и сделать вид, будто других женщин на свете не существует. Но ведь он же не перестанет ее от этого меньше любить! Так о чем разговор? Если что-то сейчас произойдет, для него это ничего не значит...

Но – что это будет значить для Ольги? Для молодой, только что овдовевшей Ольги, чьи близорукость и ангелоподобие делали ее существом совершенно особенным, не принадлежащим этому миру? А ведь она – тоже женщина. И вполне способна воспринять акт, в котором Саша воздал бы должное ее красоте, как нечто принципиально другое... как...

А в самом деле, черт ее знает, как она это воспримет!

Все эти мысли, не оформляясь в слова, возникли и погасли в голове Турецкого – и в результате повели к расхолаживанию. Если пару секунд назад от руки Ольги шибало таким животным магнетизмом, ради которого Саша готов был забыть все на свете, то теперь он снова овладел собой. И Ольга, чутко угадав перемену его состояния, поспешно сказала:

– Но у вас так много работы, я вас очень задержала, наверное...

– Нет, что вы... – Магнетизм иссяк, словно просочившись в пол, но Турецкий по-прежнему был не в состоянии выпустить руку Ольги. – Оля, если вам что-то нужно – только скажите... Может быть, все же съездить, купить вам линзы?

– Нет-нет. Я съезжу завтра к офтальмологу, все будет хорошо.

Руку первой убрала она. Медленно, как бы нехотя.

– Но если будет нужно, Саша, я обязательно скажу вам.

– У меня тоже наверняка возникнут еще вопросы. Значит, увидимся, да?

– Конечно! – Голос Ольги вырвался на лестничную площадку, куда ступил Турецкий, оставляя позади море несбывшихся возможностей. – До свидания!

– До свидания, Оля!

Ольга закрывала за Турецким дверь долго, нарочито громко гремя замком. Потом отошла от двери – не шурясь, уверенным шагом, спокойно глядя вокруг. Остановиться ее заставил взгляд, брошенный на связку колокольцев. Под са-

мым потолком Ольга заприметила мелкую петельку – бечевка, на которой подвешены колокольчики, там запуталась и перекрутилась. Не каждый снайпер с изощренным зрением обратил бы внимание на этот микроскопический дефект... Уверенным движением Ольга достала и распутала узелок.

Глава вторая

Загробные письма и смутные подозрения

В переговорной комнате стены были такие же яркие, как в креативном отделе, но обстановка строже – без шаржей, без подвешенных стульев, и мебель исключительно офисная. Антон Плетнев не мог не подумать, что здесь сказалось влияние исполнительного директора, который, по всему виду, не слишком любил всяческую креативность. Антон и Леонид примостились у края большого стола, стоящего возле проекционного экрана.

– Значит, будущее агентства вы видите туманно? – подытожил сказанное исполнительным директором Антон.

Савельев устало снял очки, потер переносицу. Без очков вид у него оказался совсем не строгий. Скорее грустный, отчасти даже потерянный. И беззащитный – как часто происходит с очкариками, лишенными привычных стеклышек.

– Я сейчас все вижу туманно, – сказал Леня, и Антон подумал: без очков – конечно, как ему еще видеть? – Мы с Легейдо работали вместе восемь лет. Только тут – восемь, а вообще в рекламе – одиннадцать...

– Понимаю. Вы были друзьями?

Антон надеялся, что его вопрос прозвучал нейтрально. Не

провоцирующе. Это ведь не какой-то из ряда вон выходящий случай – то, что партнеры по бизнесу могут быть еще и друзьями. Так иногда случается. А что друзья иногда становятся врагами, тоже не столь уж редкое, хотя и прискорбное явление...

Насколько права Татьяна? Какие доказательства нечестности Савельева она рассчитывает добыть? Антону стало страшно за нее. Ну да, мир рекламы – это ее мир, где она отлично ориентируется. Но она такая тоненькая, такая юная, такая... отчаянная... Ох влипнет!

– Да, мы были друзьями, – с нажимом, отчасти с вызовом произнес Леонид. – Такое редко бывает в бизнесе – личные связи обычно рушатся. Но мы были именно друзьями! И как партнеры абсолютно друг другу доверяли.

Конечно. Примерно такого ответа Антон и ждал. Только неестественно все-таки, что Леня ни разу не назвал своего покойного друга просто по имени – Кирилл. Ни разу, даже оговорившись. И не слишком по нему заметно, чтобы он горевал... Впрочем, последнее ничего не доказывает. Одни люди выражают свою печаль открыто, другие ее скрывают. Все зависит от характера и воспитания.

Савельев пересел за свой компьютер. Через плечо Антон видел, как он открывает электронную почту.

– Вот. – Леня двинул мышкой. – Вся деловая переписка шла с одного адреса, с общего. Все, что отправлено и получено за последние три-четыре дня, видели мы оба.

– А почему за три-четыре? – не понял Антон.

– Чтоб не захламлять ящик, – пояснил Леонид. – Потом вся документация переносится ко мне в папку, или к нему, или в нашу общую... А в почте хранится только текущая корреспонденция.

Курсор последовательно указал на папки с названиями «ЛЕНЯ», «ЛЕГЕЙДО», «ЛЕГЕЙДО И ЛЕНЯ».

– Ничего не понимаю, – вдруг обеспокоенно буркнул Ле-
ня.

В окошке электронной почты настойчиво мигала надпись «1 непрочитанное сообщение». Два раза щелкнуть по нему – откроется окно почты. На мониторе высветилась надпись: «Сообщение от krl_flight@yandex.ru».

– Чей это адрес? – живо спросил Антон.

Леонид выглядел растерянным. Кажется, он снова ощутил потребность снять очки, потому что они вмиг запотели. Но, сдержавшись, ответил:

– КаЭРЭЛ – обычная подпись Легейдо. То ли Кирилл Ле-
гейдо, то ли Карлсон. Но такой адрес он при мне не реги-
стрировал. Видите, это свободный ящик, на Яндексе...

– А «flight» – это «полет»... – заинтересовался Антон. –
Что в письме?

Открыв письмо, они увидели окавыченный текст. Цитата? Ле-
ня медленно, с расстановкой прочел вслух:

– «Как ты справишься?... Как ты справишься, я тебя спра-
шиваю, если тебя будут осаждать толпы народа! Ты знаешь,

есть три способа: укрощение, низведение и дуракаваляние. И я думаю, что придется применить все три сразу».

В переговорной воцарилось подозрительное молчание. Савельев, не выдержав, все-таки снял очки и принялся суетливо протирать их бежевой салфеткой, предназначенной специально для оптики. Даже в минуты волнения он не забывал об аккуратности.

– И что это значит? – нарушил молчание Плетнев.

– Что значит – не знаю. Но это – из «Карлсона». Из детской книги. Кирилл нас всех к ней приучил.

– Та-ак, а дата отправки письма? – воззрился на монитор Плетнев.

– Первое число. День его гибели.

– Но – шесть утра! В шесть он был еще жив...

– Вообще он часто так шутил. Перед переговорами с серьезным клиентом или, наоборот, перед офисной вечеринкой... – Леонид говорил все медленнее, пока не сник окончательно. Кажется, до него дошло, насколько неуместны предположительно исходящие от мертвого шуточки, которые любил живой.

– Да. Прикол странный... – подтвердил Плетнев. – Если будет еще что-то подобное – сообщите. И сотрудникам своим скажите, хорошо?

Леня потерянно кивнул. Насадил на нос очки, поправил галстук. Встал. Антон потряс руку исполнительного директора своей рукой – правой.левой в то же самое время он

опустил в карман савельевского пиджака подслушивающий «жучок».

... – Ну как сыщик, Тань? – без особых чувств спросил креативщик, которого в агентстве «Гаррисон Райт» часто называли просто креативщиком, без имени. В стиле: «А куда это наш креативщик подевался?» Называли еще Смертью – за его вечные черные рубашки с черными приколами. А вообще-то у креативщика было имя. Его звали Илья Сенцов.

Чаще всего креативщика звала по имени креативный директор.

– Не знаю, не знаю, Илюша, – ответила Таня. – Ничем себя особенно не проявил. Пытался в рекламной работе разобраться, о нашей профессиональной фене спрашивал...

– Угу, я так и думал.

– В целом, по-моему, для частного детектива он туповат.

– Угу, значит, я угадал. – И, утратив к этой теме интерес, креативщик переключился на более насущные вопросы: – Слушай, Тань, а этих, с пивом Ракова, мы долго еще сатисфакать будем? Он вроде нам покедова не заплатил.

– На днях под гарантийное письмо заплатит, – уверила Таня. – Никуда не денется, у него ничего не утоптанно.

– Угу. Значит, душим его дальше?

– Душим, душим. Очень уж душный голубь-стервятник попался...

В переводе с эзотерически-рекламного на общечеловеческий это звучало бы примерно так:

– Долго ли еще мы будем предоставлять бесплатно полный спектр услуг фирме, выпускающей пиво «Ракофф», в надежде на заключение с ней выгодного контракта?

– Не волнуйся, фирма нам заплатит, поскольку ее продукция пока полностью лишена рекламы. Юридически это будет обеспечено гарантийным письмом.

– Значит, с этим рекламодателем стоит поторговаться?

– Непременно стоит, несмотря на то что клиент попался неговорчивый.

Русские классики, услышав этот диалог, попадали бы в разные стороны, точно сбитые кегли. А может, наоборот, восхитились бы новыми, неизвестными им средствами выражения мыслей и чувств. В конце концов, большинство из них ценило дивную краткость и гибкость великого русского языка...

Обсудив деловые вопросы, Таня удалилась в сторону комнаты, где сотрудники «Гаррисон Райт» отдыхали от трудов праведных. Там можно было попить чай, вытянуть во всю длину усталые ноги... Должно быть, креативный директор действительно нуждалась в отдыхе: столько на нее навалилось! Худенькая мальчишеская Танина спина производила впечатление совсем юной и беззащитной, но Илья, как и большинство рекламистов, знал, что это впечатление обманчиво. Татьяна – не девочка-подросток: ей тридцать один год. Правда, в это трудно поверить. Бессемейная, безбытная, точно порхающая бабочка...

Задержавшаяся молодость Тани не казалась Илье чем-то из ряда вон выходящим: сам очень молодой, он принимал как должное, что и все вокруг молоды. Настораживало его другое: улыбка Тани неизменно была профессионально-блестящей, но глаза часто оставались грустными. У некоторых приятелей Смерти подмечалось то же самое, и о них другие приятели часто говорили, что они «ловят депресняк» или «сидят на шизе». В шизофрении обвинить Таню, предельно логичную и работающую с полной нагрузкой, не получалось. Что же касается депрессии... возможно, это так! Но Илья полагал, что настоящая депрессия не имеет внешней причины. А Танина депрессия ее имела. Иначе с чего бы, спрашивается, глаза креадера становились еще более грустными, когда она поднимала их на Кирилла Легейдо?

На покойного Кирилла Легейдо. Слово «покойный» генеральному директору подходило примерно так же, как траурная лента – футбольному мячу. Илья не мог вообразить себе живого, напористого, подвижного Легейдо в виде покойника. В самом деле, благообразного, припудренного, чинно возлежащего в гробу покойника-то из него и не получилось. Получилась кучка рваной одежды, мяса и костей. Судебные медики, кажется, еще не исследовали эту кучку, но скоро исследуют. Вот прикол! Что они там собираются найти? Причину, по которой рухнул с неба Карлсон?

С Карлсоном – это была удачная рекламная идея. Илья способен оценить талантливый ход и аплодировал Легей-

до задним числом. Обычно человек российского производства, дорвавшийся до власти, хотя бы до власти в рекламном агентстве, старается выглядеть солидно и многозначительно, как саркофаг египетского фараона. Отрастить животик, налиться чиновничьей важностью, учить жизни всех, кто не преуспел, быть осторожным, жаждать стабильности, никогда не меняться... Из этого списка у Легейдо была лишь одна черта: толстый живот, над которым он постоянно подшучивал, но ни разу не высказал желания сесть на диету. Во всем остальном – ничего похожего. Кирилл Легейдо был абсолютно отвязный тип – в хорошем смысле отвязный. Не безбашенный – он ловко рулил бизнесом и заботился о сотрудниках, – а нестандартный, под завязку набитый творческим вдохновением. Называя себя Карлсоном, он отсекал возможные обвинения в несерьезности: только сумасшедший способен требовать серьезности от смешного толстенького человечка с пропеллером. Героя детской книги, к которой приучил сотрудников Легейдо.

Вот насчет героя детской книги у Ильи иногда проскальзывали сомнения. Наткнулся он как-то в Интернете (девяносто восемь процентов информации Илья получал из сети, оставшиеся два процента – от коллег и начальства) на статью, в которой говорилось, что шведы были удивлены, когда узнали, что в России из героев Астрид Линдгрен больше всего любят Карлсона. На родине писательницы предпочитают Пеппи Длинныйчулок, маленького сыщика Калле Блумкви-

ста, Эмиля из Леннеберги. А Карлсон... Карлсон там считается неоднозначным персонажем. Этот современный летающий гоблин любит шутить, но шутки у него часто злобно-ватые. Переводчица, прославившая Карлсона по-русски, намеренно кое-что сгладила, а кое-что подсократила. Поэтому Карлсон в России так любим детворой. Истинный его облик в этом довольно-таки идеализированном милашке брезжит слабо...

Так вот насчет сомнений! После той статьи креативщик начал внимательнее присматриваться к генеральному директору. И обнаружил немало примечательного. Порой ему казалось (или **СОВСЕМ НЕ** казалось), что сквозь русского Карлсона, каким представлялся окружающим Кирилл Легейдо, просвечивал Карлсон шведский – неоднозначный и злобненький. Легейдо нередко обижал людей. Причем обижал так, что они даже пожаловаться не могли, а если пожалуешься, предстанешь перед всеми болваном, лишенным чувства юмора. Взять хотя бы эти шаржи. В одно прекрасное утро Легейдо волевым решением просто приказал всем представительным лицам агентства позировать перед художником, хотели они того или нет, после чего результаты художнической деятельности были немедленно вывешены на стену в креативном отделе. Не всем объектам шаржей они понравились. Вот арт-директор, например, не слишком полюбил свою огражденную рамочкой полноту – тем более что на шарже он как-то утрированно выпячивает брюхо. А Са-

вельев – просто какой-то сморчок, головастик в очках. Все узнаваемо, все очень метко подмечено – и именно потому способно ранить. Но никто не протестовал. Ни один человек не попросил переделать или снять свою картинку. И не потому, что Легейдо стал бы его за это зажимать: Кирилл всегда был очень демократичен, отзывчив к новым предложениям. Просто он создал в агентстве такую атмосферу, в которой человек, возмущившийся по поводу шаржа, рисковал превратиться в посмешище. А смех – не менее сильное оружие, чем страх. Правда, менее сильное, чем любовь... По крайней мере, так утверждают знающие люди в Интернете. Илья пока что на любовь смотрел скептически.

Любили ли Кирилла Легейдо его сотрудники? Если бы незадолго до смерти провели в «Гаррисон Райт» опрос, все сказали бы единодушное «да». А как там было на самом деле, кто теперь установит? Единодушие – хороший фактор, когда речь идет о коллективе. А кто знает, что творится в каждой отдельной человеческой душе? Даже если, с общей точки зрения, сотрудники обязаны были любить Легейдо за то, что он сделал агентство процветающим, у каждого могли быть какие-то личные причины для недовольства Кириллом как человеком.

Илья Синцов многое бы отдал за информацию, почему Кирилл Легейдо навевал на креадера Таню такую грусть. Или – совсем не грусть? То, что представляется грустью чужим глазам, для самой Тани могло быть радостью. Почему

сейчас, когда она шла по коридору в сторону комнаты отдыха, так вздрагивали ее плечи? И лицо, он успел заметить, покраснелось. Неужели известие о смерти генерального директора заставляет плакать креадера? Нет, причина тут не в депрессии, Илья зуб дает. А в чем? Если бы знать!

...После всего этого невыносимого дня, после массы хлопот, связанных со смертью Кирилла, Таня Ермилова была уверена, что ей не удастся заснуть, и на всякий случай положила на тумбочку возле кровати, прямо под ночником, маленькую розовую таблетку. Тем не менее глухой, без сновидений, сон стиснул ее в своих вязких объятиях, едва Танина коротко стриженная голова прикоснулась к подушке. Однако среди ночи креативный директор рекламного агентства «Гаррисон Райт» проснулась и некоторое время лежала, напряженно прислушиваясь к частым ударам своего сердца. Было чувство, будто кто-то ее разбудил... будто кто-то, тронув ее, беззащитную, спящую, за плечо, отступил от кровати, но не ушел. И сейчас он стоит в опасной близости... скрывается в темноте... может быть, вон там, возле торшера, сливаясь с его узкой тенью... Чувство, с логической точки зрения не выдерживающее никакой критики, но иррационально-сильное. Стук сердца панически нарастал.

«Ну чего ты, чего ты, глупая? Кто может находиться в твоём доме, кроме тебя?»

Это верно: никто не может. Некому! Таня привыкла жить одна. Из родительского дома, прочного, надежного и консер-

вативного, Таня сбежала в двадцать два года. И правильно сделала: страшно представить, как стучал бы сейчас на нее кулаком по столу отец, свято уверенный, что все рекламщики – бездельники и проходимцы; как поедом ела бы мать, внушая, что если у тридцатилетней женщины нет мужа и детей, это означает позор и полное нравственное падение... Да пошли вы все! «Да пошли вы все!» – кричала Таня не своим родителям (с которыми виделась регулярно раз в три месяца и разговаривала вежливо, стараясь придерживаться нейтральных тем), а какому-то безликому большинству, аморфной толпе, с которой она ни разу напрямую не сталкивалась, но кожей чувствовала, что эта масса реально существует и поджидает только удобного случая, чтобы поглотить и переварить Танино «Я». Да пошли вы все, Таня не хочет быть женщиной! Если женщина в вашем представлении – это выючное животное, предназначенное для того, чтобы непрерывно возиться с детьми, облизывать мужа-хама только потому, что он – как же! – мужчина, зарабатывает гроши на работе, которая требует не творческого начала, а монотонной исполнительности... в таком случае, пардон, Таня предпочитала не быть этим вечно страдающим существом. Лучше она будет, как сейчас, своим в доску парнем. Активным, насмешливым, талантливым, пробивным. А мужчины в доме нет, так что же! Проживет и одна, не станет вешаться!

Таня не заметила, в какой момент ее всегдашние рассуждения на тему личной жизни вытеснили охвативший при

пробуждении страх, но это произошло. Темнота снова стала заурядной ночной темнотой, торшер, освещенный фонарем из-за штор, – обычным торшером. Однако сердце бухало изнутри в ребра, как паровой молот, и, поворочавшись с боку на бок, Таня пришла к выводу, что больше не заснет. Включив ночник, обнаружила, что на часах – половина четвертого. Принимать сильное снотворное ради каких-то четырех часов сна было бы неосмотрительно, и Таня предпочла встать и заварить себе крепкого чая – испытанное лекарство от всех неурядиц. На ощупь сунув ноги в большие клетчатые (мужские!) тапки, прошаркала в них на кухню и там отразилась в черном оконном стекле – в обвисяющей вокруг ее худого маленького тела пижаме, взъерошенная, моргающая, как пичужка. В таком виде она не походила на парня. Она походила на тридцатилетнюю женщину, с которой случилась беда.

Электрический чайник закипал за считанные секунды. Но Таня, включив его в сеть и нажав на красный рычажок, не смогла выждать в покое даже такого короткого времени. Чтобы хоть чем-то занять свои беспокойные пальцы, порывисто схватила блюдечко, а с верхней полки кухонного шкафа, потянувшись, достала зажигалку и початую пачку сигарет. Курить Таня то бросала, то снова начинала, руководствуясь самыми удивительными причинами. В последний раз затишье в отношениях с куревом наступило после того, как она нечаянно расколотила любимую фаянсовую пепельницу в виде

старого китайца: мудрый старик был ее собеседником, без него любимый сорт сигарет терял вкус. Сейчас наплевать ей было на отсутствие пепельницы, и она нервно, жадно затянулась дымом, чувствуя, как он пощипывает после долгого перерыва горло, и продолжила дымить, когда чайник, заклокотав, выключился. Безжалостно раздавив в блюдце окурок, сделала перерыв для того, чтобы, опустив в кружку целых три чайных пакетика, залить их кипятком. Глядя на дымящуюся кружку, закурила новую сигарету и сама не понимала, отчего так слезятся глаза: от никотина, от пара или от чего-то другого, что так скребло по сердцу?

Да, Тане нравилась ее вызывающе-мальчишеская, дерзкая внешность. Таня тщательно ее культивировала и поддерживала. От природы не склонная к полноте, она, не довольствуясь преимуществами своей комплекции, тщательно следила за весом, опасаясь, что лишние килограммы (которые для любой другой не были бы лишними) увеличат грудь и бедра, вынудив изменить имиджу... В определенном смысле имидж был для Тани щитом, под прикрытием которого она выступала против равнодушного, настороженного, жестокого, неуязвимого мира. Но плохо же вы знаете женщин... плохо же вы знаете Таню Ермилову, если хоть на миг подумали, что имидж был важен для нее сам по себе! И можете поверить, что Таня была готова сложить свой щит на землю, как только в этом жестоком мире найдется хотя бы один человек, с которым она была бы счастлива идти рядом рука об

руку. Ради такого человека Таня окончательно бросила бы курить, растолстела бы на десять килограммов, готовила бы ему бифштексы и воспитывала бы его детей, и даже согласилась бы стать в чем-то похожей на этих самых затюканных семейных куриц, презрение к которым не уставала во всеуслышание выражать... И самое обидное, что Таня нашла такого человека. А вот он ее, кажется, не нашел. Смотрел в упор – и не видел. Постоянно соприкасался – и не замечал.

Тане почему-то вспомнился тонкий прозрачный вечер на Чистых прудах – что это было, конец лета или первые дни осени? Агентство только что заключило выгодный контракт, пора было подумать о новых перспективах, и ради этого случая Кирилл повез ее сюда, в недавно открывшийся ресторан. Таня надеялась: может, он делает это не только ради обсуждения деловых вопросов? Может, новые перспективы откроются и для них двоих? Поддавшись надежде, она надела к своим вечным джинсам полупрозрачную блузку: конечно, не вечернее платье, но и не майка из разряда тех, которые она обычно носила... И вот она, в этой полупрозрачной блузке, открывающей живот (вопреки календарю, дни стояли теплые), сидела на открытой террасе с видом на зеленеющие, но уже с многозначительной прожелтью деревья, на темный, совсем осенний пруд и аллеи с темно-рдяным, цвета запекшейся крови, песком и говорила с Кириллом... о работе. Честное пионерское, о работе – и ни о чем, кроме работы. Если у него и были какие-либо иные намерения, он потруился их

тщательно скрыть. Просто коллеги – генеральный директор и креативный директор – беседовали о бизнесе, потягивая пиво. Пиво – напиток корпоративный, дружеский, ничуть не интимный. Конечно, если как следует разобраться, что еще, кроме пива, можно пить с таким свойским парнем, как Таня Ермилова? Она привыкла... Было бы ради кого заказывать вино!

Кирилл, руководствуясь никогда не подводившей его интуицией, просек, что собеседница скисла. Подскочил на стуле. Разразился коротким, но заразительным смехом. Хлопнул себя по лбу:

– Вот балда, совсем забыл! У меня же для тебя подарок.

– Какой подарок, Кирилл? Зачем?

– Просто так! Для того, чтобы ты обрадовалась. А зачем еще делаются подарки? Ну-ка закрой глаза!

Таня послушалась и честно не открывала глаз до тех пор, пока ей не ткнулось в руку что-то металлическое, холодное. Для кольца оно было слишком велико... и для любого другого украшения – тоже... Округлившись от удивления глазами Таня созерцала предмет, который оказался у нее в руке. Это была машинка. Игрушечная машинка – с колесами, но почему-то еще и с пропеллером. На ее толстеньких, как у бочки, боках были нарисованы окна, а оттуда, где предположительно должно быть лобовое стекло, высывалась пластмассовая нашлепка в виде круглого лица, весьма смахивающего на гендиректора Легейдо.

– Ну улыбнись, родная! Видишь, какая прелестная фиговина? А еще она летать умеет, ее можно запускать... Вот посмотри, снизу отходит резинка...

«А он умеет быть жестоким, – подумала Таня, стискивая игрушку в своей безвольной вспотевшей руке. – Умопомрачительный подарок... Не женщине от мужчины – Малышу от Карлсона».

Встав из-за столика, Таня сделала несколько шагов в сторону ограждения, под которым еле слышно плескался пруд, и потянула за резинку – так, как показал ей Кирилл. Лопастни пропеллера затрепетали. Высоко подняв летучую машинку над головой, Таня запустила ее, и машинка совершила свой первый и единственный полет над прудом, прежде чем у нее кончился завод и она, нелепо сковырнувшись, теряя высоту, понеслась вниз и канула в осенние непроглядные воды. Вместе с пластмассовым водителем, так похожим на Кирилла...

Этого никогда не было: тем вечером, в ресторане, Таня всего лишь проиграла эту сцену в своем воображении, а потом вежливо улыбнулась и сунула подарок Кирилла в сумку. Но ведь в действительности произошло нечто похожее, правда? Только и летательный аппарат, и водитель были настоящие...

Прихлебывая крепкий и горький, словно это воспоминание, чай на своей одинокой кухне в пять часов утра, Таня смотрела перед собой пустым взглядом. Она не могла видеть себя со стороны – и уж тем более не могла знать, что взгляд

у нее в точности такой, как в ресторане над кружкой пива, с издевательским подарком в руках. Взгляд человека, дошедшего до крайней точки безнадежности. А когда человеку не на что больше надеяться, он выписывает себе карт-бланш на любой отчаянный поступок. Абсолютно на любой!

Таня не скрывала, что не испытывала особой любви к Ольге Легейдо, что ей нестерпимо было видеть Кирилла с ней вдвоем. «Убила бы!» – откровенничала с собой в таких случаях Таня. Но на самом деле она нипочем не стала бы убивать Ольгу, с которой к тому же, кажется, у Кирилла не все ладилось. Одна Ольга, другая Ольга, не все ли равно? Дело не в реальных и потенциальных Ольгах, дело в том, что даже если убрать из окружения Кирилла всех Ольг – и тогда он не полюбил бы Таню. Следовательно, причина Таниного несчастья крылась не в Ольге, а в Кирилле. Теперь причина устранена, Кирилла нет – и у Тани появилась возможность спокойно дышать, быть счастливой, жить...

Что же ей мешает? Почему вместо этого она просыпается среди ночи и подгоняет свое и без того отчаянно стучащее сердце крепким чаем? Почему плачет, психует, пьет транквилизаторы? Почему обвиняет Леню Савельева?..

Тане казалось, что, если она продолжит задавать себе эти вопросы, у нее разорвется сердце – вот так буквально и разорвется, лопнет, как перезрелый плод, который уронили с высоты. От этого печального исхода ее спасла сиреневая полоска, забрезжившая над черными домами. Полоска была тон-

кой и совсем не сияющей, но сомнений не оставалось: это – рассвет.

А значит, ночь отступила и начался новый день. День, несущий новые хлопоты – и новую печаль по Кириллу. Но... эти воспоминания, эти вопросы... Пусть они останутся в ночи.

Как показало предварительное исследование судебно-медицинских экспертов, в кабине упавшего самолета были обнаружены остатки только одного человека, сидевшего на месте летчика. Авиаинструктора Сергея Воронина, 39 лет, так и не нашли. И это было крайне подозрительно. В тот роковой день 1 июня он каким-то загадочным образом исчез с аэродрома – так, что его больше не видели. Куда он пропал? А главное, зачем? Было ли ему известно о гибели Кирилла Легейдо достаточно много, чтобы опасаться за свою безопасность? Уж не был ли Воронин непосредственным виновником аварии? А почему бы, кстати, и нет? Идеальная возможность для преступления: непрофессиональный летчик, полностью доверяющий своему инструктору, свободный доступ к управлению самолетом...

Вот только зачем ему это было нужно?

В поисках ответа Александр Борисович Турецкий решил наведаться по адресу проживания Сергея Воронина. Может быть, члены его семьи смогут пролить на все эти вопросы хоть какой-то свет?

Воронин жил в одной из кирпичных пятиэтажек, которые кучковались в лабиринтах запутанных переулков неподалеку от метро «Белорусская». Вид дома, почернелого от времени так, словно он однажды в своей биографии пережил пожар (а может, и вправду пережил), не свидетельствовал о финансовом благополучии его обитателей. Отсутствие лифта – тоже. К счастью, Турецкий, несмотря на то что ему уже перевалило за пятьдесят, не дошел еще до жизни такой, чтобы отсутствие лифта стало для него препятствием. Тренированные ноги легко вознесли Сашу на четвертый этаж.

Дверь открыла небольшого роста женщина лет сорока, тщетно пытавшаяся заслонить дверной проем своей не слишком-то могучей фигурой. За ней просматривалась маленькая двухкомнатная квартира – практически целиком. На лестничную клетку вырвалось целое облако густого запаха щей. Женщина уставилась на Турецкого хмуро, с какой-то затаенной воинственностью. Без макияжа, в футболке, джинсах и переднике. Волосы собраны заколкой в жиденький хвост. На переднике – выцветшая от стирок идилическая картинка: мальчик и девочка, одетые на манер героев «Тома Сойера», сидят на заборе... Турецкий протянул хозяйке свое удостоверение детективного агентства «Глория». Она повертела его в руках, не соизволив пригласить неожиданно свалившегося ей на голову сыщика в свой дом.

– Галина, – от сослуживцев Воронина Александр Борисович узнал имя его жены, – насколько я знаю, ваш муж, Сер-

гей Воронин, пропал несколько дней назад.

Галина Воронина не поддавалась на голую констатацию факта. Она продолжала бдительно рассматривать удостоверение.

– Вы, значит, не из милиции, – обвиняюще заявила она. – И не из прокуратуры.

– Но заместитель генерального прокурора Меркулов попросил меня помочь следствию...

– Меня не волнует, кто вас о чем попросил, – на повышенных тонах перебила Галина. – У меня дочь сдает выпускные экзамены. Придет скоро, а у меня обед не готов.

– Всего несколько вопросов. – Турецкий сделал попытку пробить стену ее агрессивности. Он даже изобразил одну из самых обаятельных своих улыбок, которые всегда производили на женщин неизгладимое впечатление. Однако Галину мужское обаяние Александра Борисовича оставило равнодушной.

– На все вопросы я ответила милиции. Вам я отвечать не обязана! – выкрикнула она и сделала шаг вперед, точно разъяренная большая кошка, так, что Турецкий невольно попятился. Воспользовавшись этим, Галина Воронина захлопнула дверь перед его носом.

«А ведь она явно что-то знает. Иначе почему с ума сходит?» – размышлял Турецкий, медленно спускаясь по лестнице. Впервые он испытал такую обиду от того, что больше не работает в Генпрокуратуре. При виде удостоверения Ген-

прокуратуры Воронина бы не отвертелась, заговорила бы как миленькая. А теперь... Ну что поделаешь, зря сходил. Считай, прогулялся в старом районе Москвы отличным летним днем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.